

ТЕМПОРИУМ

АНТОЛОГИЯ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ

Апквэль Батхен Белоглазов Вереснев Гаркушев Голдин Гутник Давыдова Зонис Карелин
Корсакова Лебединская Рогач Родсет Скоренно Троя Фежина Филенко Шеголев

Евгений Гаркушев

**Темпориум. Антология
темпоральной фантастики**

«Снежный Ком»

2012

Гаркушев Е. Н.

Темпориум. Антология темпоральной фантастики /
Е. Н. Гаркушев — «Снежный Ком», 2012

Путешествия во времени – что нового можно рассказать о них? Очередная история с «попаданцами» – разухабистые приключения в прошлом студента-супергероя, ещё один «эффект бабочки», очередная и ожидаемо скучная история изобретения чудо-машины... Оказывается, не только это! Антология «Темпориум» раскрывает другие стороны взаимодействия человека с временем – более тонкие, более сложные, но от этого не менее увлекательные и загадочные. Взгляните под новым углом на Время и удивитесь.

Содержание

Павел Амнуэль	5
Евгений Филенко	9
Пролог	9
Фабула	11
Ложный финал	19
Истинный финал	20
Евгений Гаркушев	22
Александр Щёголев	36
Смена декораций. На балкончике	39
Съёмочная площадка	40
Мотор!	42
Съёмочная площадка	43
На балкончике	44
Мотор!	45
На балкончике	47
Съёмочная площадка	48
На балкончике	51
Съёмочная площадка	52
Занавес	53
Наталья Федина	54
Владимир Рогач	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Темпориум

Антология темпоральной фантастики

Павел Амнуэль

Предисловие

Время – четвертое измерение вместе с пространством, и, значит, по времени, по-видимому, можно путешествовать так же, как в пространстве. По нашей планете человек конца XIX века научился перемещаться с помощью механизмов: ходили поезда, появились первые автомобили. Поговаривали, что можно построить летательные аппараты тяжелее воздуха и летать подобно птицам. Да и летали уже – в литературе. Вспомните «Робура-завоевателя» Жюль Верна.

Считается, что машину для путешествий во времени «изобрел» Герберт Уэллс, опубликовав в 1895 году повесть «Машина времени». На самом деле, даже у Уэллса это не было первым описанием путешествия по четвертому измерению: впервые он сделал это в забытой новелле «Аргонавты времени», написанной семью годами ранее.

Уэллс, в духе эпохи, построил для путешествий во времени машину, но и задолго до него в литературе были произведения, описывающие перемещения героев в прошлое и будущее. В давние времена люди не говорили о времени, как о четвертом измерении, но желание побывать в иных временах было не меньше, чем желание увидеть иные страны и континенты.

Проще всего было путешествовать в будущее. Для этого ничего и придумывать не надо: достаточно уснуть, проспав лет сто или двести (фантастика в том, чтобы не состариться и не умереть за это время), и вот – вы в будущем. Так оказался в будущем талмудический персонаж Хони а-Магел (1 век н. э.) – проспал 70 лет и увидел, какое оно, будущее. Ничего необычного: внуки его успели сами стать дедушками, а родные и друзья умерли. Вот и вся разница. Мир в то время менялся медленно, идея прогресса еще не овладела массами, и будущее представлялось таким же, в принципе, как и настоящее. Царь Реванта из индийского эпоса «Махабхарата» не спал, он попал в будущее иначе: отправился в путешествие на небо, чтобы переговорить с Брахмой, а вернувшись обнаружил, что на земле прошло много лет. С теми же, впрочем, последствиями: родные умерли, но, по большому счёту, ничего не изменилось. Был еще японский миф о рыбаке Таро – тот всего-то три дня провел в подводном дворце, а между тем, на суше прошло триста лет. Родственники умерли, дом в руинах, но в остальном все то же...

Если от путешествий в далекие страны ожидали всяческих чудес (людей с песьими головами, например, или великанов-циклопов), то путешествия во времени не сулили ничего интересного. Поэтому и фантазия работала скупой – до тех времен, когда воцарившаяся в век просвещения идея прогресса изменила отношение людей к прошлому и будущему. Прежде всего, конечно, к будущему, потому что оно вдруг стало загадкой.

В 1771 году о путешествии в будущее написал Луи Себастьян Мерсье в эссе (вряд ли написанное можно назвать художественным произведением) «Мемуары из 2440 года». Механизмы для перемещения в пространстве еще не появились, а во времени – тем более. Так что способ прежний: заснул в XVIII веке, а проснулся в XXV.

О том, как человек просыпался в будущем, писали в те времена немало, но самым известным произведением стал рассказ Вашингтона Ирвинга «Рип Ван Винкль» (1819). Ничего принципиально нового в этом рассказе не было, да и спал Рип не так уж долго – двадцать лет. Это даже не фантастика: современной медицине известны реальные случаи, когда пациент просыпался после 22 лет летаргического сна.

О путешествиях в прошлое до Уэллса писали гораздо меньше, чем о путешествиях в будущее. Оно и понятно: в будущее можно попасть, заснув (или побывать в таком месте, где время течет быстрее обычного). А как попасть в прошлое? Александр Вельтман в повести «Предки Калимероса: Александр Филиппович Македонский» (1836) отправляет своего героя в Древнюю Грецию на фантастической птице гиппогрифе – помеси грифа и лошади. Герой фантастической истории Ганса Христиана Андерсена отправляется в прошлое, надев волшебные галоши («Галоши счастья», 1838).

В 1881 году были опубликованы два произведения, которые, если бы их заметили, стали бы «столпами», на которых стояла бы вся последующая литература о путешествиях во времени. Эдвард Эверетт Хейл опубликовал рассказ «Руки прочь» – о том, что прошлое можно изменить, но при этом могут возникнуть иные миры (автор не употреблял слово «параллельные», но речь, по сути, шла именно об этом). А Эдвард Пейдж Митчелл в рассказе «Часы, которые шли назад» описал первое механическое устройство для путешествия в прошлое (машину времени!). Однако, ни Хейла, ни Митчелла сейчас не помнят. Странными бывают судьбы литературных произведений...

В 1889 году Марк Твен опубликовал «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», первую повесть о «попаданце» – человеке, попадающем по той или иной причине в прошлое и пытающемся его изменить. Марк Твен написал легкую, смешную вещь, но многочисленные его последователи подошли к делу очень серьезно и стали засылать в прошлое своих героев, меняя историю на все лады.

В первой трети XX века авторы произведений о путешествиях во времени разделились на технарей и гуманистичеков (и не важно, кем они были по образованию на самом деле). Технари отправляли героев в прошлое с помощью разного рода устройств, вроде уэллсовской машины времени, а в будущее чаще всего – на звездолетах, летевших с субсветовыми скоростями, такую возможность предоставила фантастам теория относительности (парадокс близнецов).

Персонажи авторов-гуманистичеков попадали в прошлое или будущее, пользуясь методом Марка Твена: для этой цели годилось все – удар по голове, сон, собственная фантазия, но чаще всего использовалась «дыра во времени».

Сами по себе способы, какими персонажи попадали в прошлое и будущее, интересовали не многих авторов. Попадали – и хорошо. Для литературы важнее не способ, а смысл. Для чего нужно было отправлять героев в путешествия по оси времени? Если в прошлое, то, естественно, чтобы исправить ошибки истории и, соответственно, сделать наше настоящее лучше. Классикой жанра стали роман Айзека Азимова «Конец Вечности» (1955) и не менее знаменитый цикл романов Пола Андерсона «Патруль времени» (1981).

Но возникла проблема. Если изменить историческое событие, то, по идее, герой вернется совсем в другое «настоящее», не то, из которого отправлялся в путешествие. Может ли персонаж, раздавив в далеком прошлом бабочку («И грянул гром» Рэя Брэдбери, 1952), предсказать, какой мир он при этом создает? Нет, слишком много разных связей существует между самыми разными явлениями и предметами.

И опять фантасты разделились на два лагеря: на тех, кто считал, что прошлое изменить невозможно (что там ни вытворяй, настоящее все равно останется неизменным), и на тех, кто был уверен, что изменяя прошлое, персонаж воздействует на будущее, меняя историю по собственному желанию.

Классикой стал рассказ Джона Уиндема «Хроноклазм» (1953), где парадокс взаимодействия времен был доведен до логического конца.

Но были противоречия, казавшиеся неразрешимыми. Что, если герой, оказавшись в прошлом, убьет своего дедушку? Тогда сам герой не сможет появиться на свет, и кто же отправится в прошлое, чтобы убить предка?

На самом деле, и из этой ситуации есть выход. Если прошлое действительно изменить невозможно, то начнут происходить непредвиденные события, которые не позволят персонажу расправиться с предком. Если же прошлое изменяемо и дедушку удастся отправить на тот свет, то возникнет развилка во времени: осуществляются оба варианта – в одном дедушка убит, и герой не рождается, а в другом, сделав свое гнусное дело, он возвращается в тот же мир, из которого отправился в прошлое, с изумлением обнаруживая, что не только сам жив и здоров, но и дедушка дожил до преклонных лет.

Идея ветвления временного потока была придумана Хорхе Луисом Борхесом (рассказ «Сад расходящихся тропок», 1944). Идея разрешала многие, если не все, темпоральные парадоксы. Если у персонажа, оказавшегося в прошлом, есть возможность выбора из нескольких вариантов, то он выбирает все, и все осуществляются, но в момент принятия решения мироздание расщепляется, возникает столько миров, сколько у персонажа было возможностей выбора. Он-то воображает, что выбрал что-то одно, ничего не зная о других мирах, порожденных его решением.

Эта чисто литературная, казалось бы, идея, разрешавшая парадоксы путешествий во времени, оказалась неожиданно правильной и с физической точки зрения. В 1957 году американский физик Хью Эверетт именно так и разрешил не фантастический, а сугубо физический парадокс, мучивший специалистов по квантовой физике с момента основания этой науки. Микромир описывается уравнениями Шредингера, которые имеют не одно, а множество решений для каждого случая взаимодействия элементарных частиц. Но мир-то у нас один! Долгое время физики полагали, что из всех возможных решений реализуется единственное, а остальные попросту «коллапсируют» (так называемая копенгагенская интерпретация). Это было некрасивое предположение, физики не любят таких решений, но мир-то действительно один, и значит...

Ничего это не значит, сказал Эверетт и предположил, что все решения уравнения Шредингера реализуются, все мыслимые варианты осуществляются, но каждый в своей вселенной. Получалось, что в любое мгновение (ведь элементарные процессы происходят постоянно!) Вселенная расщепляется на множество новых. Вы наливаете себе утром чашку кофе, и тут же возникает вселенная, в которой вы поступаете иначе и наливаете чай.

Парадокс дедушки, таким образом, разрешился. Если вам удалось оказаться в прошлом, меняйте его – свою реальность вы не измените, но создадите множество новых, в которых будут жить ваши аналоги.

Любопытный взгляд на ветвление миров высказал Альфред Бестер в рассказе «Человек, который убил Магомета» (1958). «Меня прошлое, – утверждал герой рассказа, – меняешь его только для себя». Несколько десятилетий спустя, идея «личного прошлого» пришла и в физику – как обычно, не из фантастики, а в результате развития эвереттических идей и гипотез.

В 1962 году был опубликован роман советских авторов Ариадны Громовой и Рафаила Нудельмана «В институте времени идет расследование» – классический фантастический детектив, действие которого начинается с убийства научного сотрудника. Сыщик расследует преступление, которое невозможно понять, не осознав, что время ветвится, что каждое новое изменение в прошлом порождает новую ветвь мироздания – старое и новое существуют независимо друг от друга. Именно так и описывал ветвление волновых функций Хью Эверетт пятью годами ранее. Однако для фантастики произведение Громовой и Нудельмана стало новаторским, в нем впервые идея ветвления была перенесена с микро на макроуровень.

Не думаю, что фантасты усиленно изучали квантовую физику и ее парадоксы. Они скорее исходили из классического приема фантастики: «Что будет, если». Что будет, если путешественник во времени убьет Наполеона, прежде чем тот нападет на Россию? Что будет, если «попаданец» из настоящего в прошлое явится в Иерусалим и начнет проповедовать любовь к ближнему, а также изгонять торговцев из Храма? Что будет, если...

Так в фантастику пришли армии попутанцев, менявших историю каждый на свой лад. Способ путешествий во времени оказался совершенно не важен.

Во второй половине XX века физики утверждали, что в прошлое вообще невозможно попасть, но фантастов это уже не смущало. И, кстати, правильно. Ученые в свое время были уверены, что невозможно создать летательный аппарат тяжелее воздуха, и что камни с неба падать не могут. Сейчас, в начале XXI века, физики открыли и способ (причем не один!) путешествий во времени. Теории эти еще далеки, во-первых, от совершенства, а во-вторых, от того, чтобы на их основе можно было построить реальную машину времени. Однако мир ветвится (кто в этом сейчас сомневается?), и, если в одной из реальностей физикам не удастся справиться с задачей, то во множестве других все получается, и машина времени выходит на старт.

Да, но тогда почему нам каждый день не попадаются на глаза странные люди – путешественники из будущего? Еще один парадокс, еще одна тема для фантастов.

О способах, реальных и фантастических, путешествий во времени можно написать большую книгу. О том, что вытворяли в прошлом наши современники, тоже можно рассказывать очень много. Произведений о путешествиях во времени (чаще в прошлое, но есть немало и путешествий в будущее) в фантастике столько, что, кажется, уже невозможно придумать что-то новое, сказать что-то свое. Разве что отыскать в прошлом эпоху, в которой персонажи фантастики еще не побывали, или историческое событие, которое фантасты еще не удостоили вниманием. Но разве так уж интересно в сотый или тысячный раз читать о попутанцах? В тысячный раз оттоптаться на давно изъезженной теме изменения прошлого? Авторам хочется сказать новое слово, найти и во времени непроторенные тропинки. Сборник «Темпориум», который вы держите в руках, такая попытка. Попытка отойти от стандартных ситуаций, стандартных литературных (и физических!) решений.

Не буду комментировать каждый рассказ сборника – не хочу влиять на личное впечатление читателя. Закончу поэтому словами из «Юноны и Авось»: «За попытку спасибо!» Авторы «Темпориума» попытались, как граф Резанов, открыть неизведанное и рассказать о нем читателям. Насколько им это удалось – судите сами.

Евгений Филенко

Пашквиль

Всякое сходство с реальными персонами, неодушевленными объектами и событиями, как в прошлом, так и в настоящем, и в будущем, как историческими, так и географическими, следует считать случайным и непредумышленным. А то, ей-богу, навешают всех собак ни за что ни про что, как будто автор уж и выдумать из головы ничего не в состоянии!

Пролог

В эти двери Кармазин всегда заходил с непонятным ощущением трудно подавляемого страха. Хотя, казалось бы, чего ему-то бояться? Не милиция, не иные, еще более компетентные органы... даже не паспортный стол домоуправления, где водятся такие злобные и циничные особи, что капитальная стена, обшитая дюймовой фанерой, с крохотным зарешеченным окошком, как представлялось, нарочно была обустроена, чтобы оберегать посетителей от когтей и клыков тамошних постоянных обитателей. А вот поди ж ты – сердце трепетало в груди, и подсекались колени, и хотелось повернуть прямо с порога, чтобы идти куда глаза глядят, но только дальше, дальше от этого мистического места.

Кармазин прочел вывеску: «...вское государственное книжное издательство». Всего-то... В особенности, если учесть, что бывал он здесь пускай и не каждый день, а раз-два в неделю уж точно. И большую часть пути совершал с большой охотой, со скрытыми надеждами, с разгорающимися, по мере приближения, амбициями! Куда всё исчезало на этом крыльце, отчего угасало? И ведь нельзя было сказать, чтобы ему тут были как-то по-особенному не рады. То есть здесь вообще мало кому были рады, но какой-то исключительной антипатии никто лично ему не выказывал. А редактор Иван Яковлевич, напротив, демонстрировал всяческую приязнь, любил поговорить на окололитературные темы и разнообразно привечал как в пределах учреждения, так и за пределами. Вот и сейчас Кармазину было назначено специально, чтобы обсудить в очередной раз концепцию и состав его запланированного на середину будущего года сборника.

Он несколько раз глубоко вздохнул – чтобы снять внутреннее напряжение, успокоить сердце и хоть как-нибудь дезориентировать роившиеся в подсознании страхи. Толкнул дверь... и как-то сразу очутился в круговороте сакральных издательских процессов.

Жизнь здесь не бурлила – она просто текла по своему руслу, практически недоступному для понимания тех, кто не был посвящен.

С ним дважды поздоровались – он ответил, не разглядев лиц. Всё виделось, как сквозь закопченное стекло для наблюдения солнечных затмений. Кармазин всегда завидовал тем, кто не терялся в этих священных стенах, кто был нагл и уверен в себе, хотя бы даже и не столь удачлив и обещающ в профессии, кого с меньшей охотой брали в сборники и вывозили на встречи с читателем. Что-то подсказывало ему, что их будет царствие издательское, а не его, пускай и более одаренного, более прилежного к перу, но не способного с агрессией шар-молота рушить стены и торить свои дороги к призрачным пока что полкам книжных магазинов... В беспамятстве он забрел в бухгалтерию, потому что попасть туда было отчего-то проще всего, и он с безрадостным постоянством оказывался там всякий раз, когда заходил в издательство. «Кармазин! – закричали ему. – Наконец-то! Мы вас обыскали! Получите четыре рубля двенадцать копеек!» – «Я? За что?..» – «За выезд в воинскую часть в марте, забыли? Ведь вы у

нас не *член*?» Кармазин с готовностью оторнул всякую причастность к сообществу избранных. «Значит, вам четыре двенадцать». Он расписался и получил. Он знал: вот станет *членом* и сможет получать не в пример больше.

Визит складывался не так уж и плохо. Мрачные ощущения понемногу оставляли душу.

До кабинета, где его дожидался Иван Яковлевич, он дошел почти успокоенным.

А ведь напрасно, напрасно.

Иван Яковлевич оживленно обсуждал с редактором детской литературы Танюшей, которая делила с ним кабинетный кров, некую научную гипотезу о происхождении, кажется, видов. Он вообще был эрудит и старался быть в курсе научных и культурных событий, читал даже для редактора много и на первый взгляд бессистемно, но усвоенное им знание внутри его большой, идеально круглой и всегда лохматой головы как-то само собою упорядочивалось, устраивалось на полки, в картотеки и стеллажные ящики, и становилось совершенно пригодно к полезному употреблению по первому же требованию. Завидев Кармазина, Иван Яковлевич оборвал свою речь на полуслове, несколько помрачнел и слегка скис, как будто ему предстояло исполнение неприятного, но неизбежного обязательства.

Вслух же он сказал:

– Вот хорошо, что пришел. У меня тут по твоему сборнику образовались вопросы.

Атеист Кармазин мысленно перекрестился. За последние семь или восемь лет он не раз слышал убийственную фразу «... не может быть издано» и был в постоянной готовности услышать ее опять. Фраза не прозвучала, а это вселяло надежду. В конце концов, как же долго можно? Столько писать, столько публиковаться в прессе, и не иметь ни единой книги уже попросту неприлично.

– Я готов, – сказал Кармазин и поискал свободный стул возле редакторского стола.

– Нет, нет, – поспешно возразил Иван Яковлевич. – Видишь, какой у нас бардак, всё завалено... – Свободного пространства в кабинете и впрямь было немного, всё занимали собой машинописи – как в виде распертых изнутри папок с едва сдерживающими содержимое завязочками-бантиками, так и россыпью. – Пойдем лучше прогуляемся. Погода хорошая...

И он, подхватив Кармазина под локоть, повлек на свежий воздух.

– А как же рукопись? – подивился было тот.

– У меня с собой, – сообщил Иван Яковлевич и больше не проронил ни слова.

– Обезьяны, дельфины, – послала им вслед Танюша. – А вот в Библии написано...

Фабула

Когда за ними захлопнулись все двери, а впереди пролегла залитая солнцем и припорошенная пылью улица, Иван Яковлевич шумно выдохнул и сказал:

– Вот же дура, прости господи. Нашла себе источник научных фактов – Библию... Знаешь, чего я боюсь?

– Чего же?

– Что однажды кому-нибудь из научных генералов стукнет в голову моча, и он оспорит эволюционную теорию.

Кармазин печально улыбнулся.

– Ты знаешь, – сказал он, – очень возможно, наступит день...

– Молчи, грусть, молчи, – сказал Иван Яковлевич. – Надеюсь, я до этого дня не доживу.

– Доживешь. И я доживу.

– Ну тебя к черту. Знаешь, зачем я тебя вызвал?

– Догадываюсь.

– Догадываешься?

Кармазин улыбнулся еще горше.

– Дай угадаю, – промолвил он. – «Сон несмешного человека».

– А чего тут гадать, – хмыкнул Иван Яковлевич. – Этот твой «Сон» всему сборнику словно заноза в заднице. А то и шило. Скажу больше: он вообще ни в какие ворота не лезет. Одиннадцать рассказов и две повести, сугубая производственная проза... и вот те нате, хрен в салате... «Сон несмешного человека»... Достоевский, блин! Кармазин с опечаткой!

– Название можно сменить, – осторожно заметил Кармазин.

– А содержимое переписать? – усмехнулся Иван Яковлевич.

– Ну, выкинь его, и дело с концом, – приуныл Кармазин.

– Уже, – сказал Иван Яковлевич с вызовом в голосе. – Выкинул! Вот он, твой «Сон», – и редактор извлек из внутреннего кармана пиджака сложенные на манер газетной мухобойки машинописные страницы.

– Так я заберу, – сказал Кармазин и протянул было руку.

Но Иван Яковлевич сунул бумажный жгут обратно в карман.

– А поговорить? – спросил он почти весело.

– Поговорить? Ну давай, – пожал плечами Кармазин. – О чем желаешь говорить?

– Ну вот, изволь для начала: с какого перепою тебя, упертого и отпетого реалиста, бытописателя и производственника, вдруг кинуло в фантастику?

– Видишь ли... – сказал Кармазин уклончиво. – Это ведь не совсем фантастика.

– Знаю, знаю: магический реализм. Гоголь, Булгаков, Орлов. И примкнувший к ним Кармазин!

Тот смущенно хихикнул.

– Видишь ли, друг мой... Чтобы раз и навсегда отбить тебе охоту к подобным экспериментам, следовало бы сызнова отправить тебя на литобъединение. Пускай коллеги по перу прочтут, оценят и воспоют... а мы уж тогда примем, с соответствующими рекомендациями. Но ведь ты же понимаешь: не оценят, не воспоют. Помнишь ли, что случилось с Чернецовым, когда он притащил на суд товарищей свой фантастический роман, сочтя, очевидно, что эдак ему будет легче пробиться к читателю, нежели со своими пасторальями?

Кармазин помнил. Несколько так называемых «молодых фантастов», регулярно посещавших литобъединение, архаровцы без роду и племени, с парой-тройкой публикаций в молодежных газетах за утлыми интеллигентскими плечами, переглянулись, подсмыкнули рукава и принялись рвать беднягу Чернецова в лоскутья. Спустя какой-то час от романа объемом в два

дцать авторских листов не осталось ничего, хоть сколько-нибудь заслуживающего внимания, а на самом Чернецове не то что лица, а и живого места найти было невозможно. И ведь что обидно, что особенно отвратительно: топтали по делу, по уму и по логике, не придерешься. Вчинили незнание школьной физики, не говоря уж об астрономии. Посоветовали купить глобус. С геохронологией на лету разобрались. И, гнусно ухмыляясь, перечислили каждый по десятку сходных сюжетов, с именами и фамилиями, никому, кроме означенных архаровцев, не известными. А уж под конец, что было в особенности унизительно, нарыли и предъявили благородному собранию список из полутора сотен стилистических огрехов, которые Чернецов попросту прощелкал в творческом запале и головокружении от гульбы по чужим пажитям...

– Сюжет ничтожный, – продолжал между тем Иван Яковлевич. – Нулевой сюжет. Интриги никакой. Идет мужик, без отличительных черт, даже без имени, по улице. Смотрит по сторонам. Время от времени разговаривает по карманному телефону со множеством знакомых и малознакомых людей. Встречает школьную подругу, которую не видел лет двадцать. Тут бы ему восторгнуться, повести вокруг себя орлиным взором, извлечь из недр памяти некое связующее обоих воспоминание и затащить опешившую от лихости даму в койку. А он... несет сущую ахинею минут десять по собственному времени... Потом они вдвоем не без труда вспоминают, как некий Чижов разбил стекло в женском туалете... и расстаются. Каждый следует своей дорогой. Не знаю, что там случилось с дамочкой, а главный герой приходит домой, пьет кефир, пялится в цветной телевизор и тупо ложится спать. Всё. Точка. – Иван Яковлевич внимательно посмотрел на Кармазина. – Послушай, ведь тебе было наплевать, чем занимается сей мужичок на страницах твоего произведения! И дамочка эта нелепая... Они были тебе не интересны и вообще не нужны. Ты просто взял и пристегнул их к реалиям вымышленного мира. Ну, чтобы хоть как-то придать своей писанине жанровые признаки.

Кармазин промычал что-то невнятное.

– Ты думаешь, я не понял? Думаешь, я совсем глупый и не просеку поляну? Или что в Главлите купятся на красивое обрамление из одиннадцати рассказов и двух повестей, в которых никакой крамолы с микроскопом не сыскать, и проникнутся к тебе такой любовью, что пропустят и «Сон»? Там сидят звери – не чета мне, и Шукорацкому нашему не чета, и Двудумову, они еще «Материалы 1-го Всесоюзного съезда колхозников-ударников» изымали из библиотек...

– Да что такого-то?

– А то, что у тебя не человек главный герой, а *мир*.

– И что не так с миром?

– Так ведь не наш у тебя мир, – сказал Иван Яковлевич. – Неправильный. Не тот, который мы все хотели бы увидеть спустя двадцать лет, в соответствии с решениями партии и правительства.

– Ну, знаешь ли, – смутился Кармазин. – «Нам не дано предугадать...»

– Нам, может, и не дано, – возразил Иван Яковлевич значительным голосом, – а кому полагается, всё дано. Уж тебе ли не знать, не мальчик, поди.

– Давай просто забудем, и всё, а? – сказал Кармазин жалобно.

– Забудем... – проворчал Иван Яковлевич. – Легко тебе говорить. Он меня, может быть, зацепил за живое, этот твой мир. Хотя, казалось бы, что в нем особенного? Мир как мир... мирок... противенький такой... двадцать лет тому вперед. Послушай, откуда ты его взял? Может, ты знаешь что-то, чего никто не знает?

– Сам-то себя послушай, что ты несешь, – стесненно засмеялся Кармазин. – Что такого я могу знать о будущем? Пускай даже о самом недалнем? Ну кто мне подскажет?!

– Не знаю, не знаю... Ты же никогда фантастику не писал, можно сказать – на дух не переносил. Брось, я видел, как тебя всегда косоротило от этих пижонов... И вдруг – на тебе! Выпендрился!

– Скажешь, дурно написано? – ревниво спросил Кармазин.

– Нет, не скажу. Нормально написано. Для тебя – обычно. Ни взлет, ни падение. У тебя же перо набитое, наостренное, хуже своего уровня ты уже никогда не напишешь, даже если постараться. Но вот этот твой *обычный* уровень меня и пробрал до печенок. Ты вдруг, ни с того ни с сего, своим *обычным* пером, накропал два авторских листа совершенно тебе несвоей-ственного текста. Почему? Зачем? Что с тобой приключилось такого, что ты вдруг изменил себе? Какое ньютоново яблоко... а применительно к реалиям нашего города, ньютонов кирпич рухнул тебе на макушку? Изволь объясниться, голубчик.

– Ну нет у меня, нет рациональных объяснений, – сказал Кармазин устало. – Ты же сам говорил: для полноценного, увесистого сборника не хватает объема, а всё равно что-нибудь придется выкидывать, чтобы улажить рецензентов, так что нужен резерв...

– И ты сел за пишмашинку, отмобилизовался, сосредоточился и породил этого агнца на закляние? Точно зная, что все рецензенты, даже самые ленивые и покладистые, набросятся именно на него, причем так рьяно, что забудут обо всех остальных, пускай даже более слабых вещах? Потому что этот твой «Сон» настолько уязвим, что всё прочее на его фоне попросту меркнет и кажется если не шедевром, то стопроцентным проходняком?

– Не совсем...

– Верю, что «не совсем». Даже еще точнее: убежден, что «совсем не». Ты хотел, чтобы эта повесть была издана. Или, по крайней мере, прочитана неким кругом лиц. Хотя бы даже одним мною.

– Не знаю, – сказал Кармазин. – Может быть. Понимаешь... я должен был это написать. Меня как будто что-то под локоть толкало. Поднимало и несло. Давно я так легко не писал. Иной раз сидишь утро, сидишь день, тужишься, жилишься, а текст не идет... Тут всё было иначе. Как в молодости – не я рождал этот текст, а он сам рождался, и был очень недоволен, что я за ним не поспеваю своими кривыми пальчиками по клавишам. Наверное, это и есть вдохновение. Веришь ли, я украдкой через плечо оглядывался, кто там стоит надо мной, муза или черт с рогами...

– И кто же стоял? – ухмыльнулся Иван Яковлевич.

– Никого. Только соседка заглянула, спички у нее, видишь ли, кончились. И всё, и тишина. – Кармазин грустно засмеялся. – С таким вдохновением полагалось бы шедевры ваять, а я... вон что... «Сон несмешного человека»... обычный уровень. А что тебя так взволновало-то?

– Меня? – переспросил Иван Яковлевич. – Да всё подряд. Начиная с заголовка. Вот ты назвал повесть «Сон», а ведь дальше про сон ни слова, ни из чего не следует, что это сон!

– Ну, допустим...

– Зато как-то сразу становится понятно, что это будущее, но не самое близкое, а такое, что мы в большинстве своем до него, конечно, доживем, но законной радости от сего факта не испытаем, притом что изменить или как-то повлиять на его приход всё едино будем не в состоянии.

– Да, да, – сказал Кармазин. – Это ты верно подметил. Меня всегда выводил из равновесия идиотский посыл, что, дескать, вот мы строим будущее, что, дескать, будущее в наших руках... Да только ни хрена мы не строим. Вернее, строим, но еще ни разу не случилось, чтобы удалось построить именно то, что изначально намечено было самыми детальными планами. Помнишь анекдот про бедолагу слесаря? Который по деталюшкам выносил со своего завода швейную машинку, а как ни соберет, всё пулемет получается... Так и мы. Что бы ни начинали строить, всё равно получается какая-то глупость!

– Ну, у тебя не глупость, – сказал Иван Яковлевич. – У тебя скорее странность...

– И что же тебе показалось странным?

– А то, что этот мир у тебя обыденный, вроде того, что мы прямо сейчас с тобой видим вокруг себя, и одновременно какой-то дикий. Нелепый. Несуразный.

– Еще как назовешь? – съехидничал Кармазин. – Аргументируй.

– Запросто. Твой... гм... лирический герой в самом начале повествования перемещается с работы на автобусе. В салоне работает телевизор, по которому показывают заграничные мультики, а над кабиной водителя бежит рекламная строка.

– Всё нормально. Будущее. Дальше?

– А дальше полная задница: эта твоя бегущая строка сообщает аудитории – что? – астрологический прогноз. В будущем веке, в эпоху технологического прорыва – какие-то гадские овны, козероги и скорпионы! Потом: водитель курит, а по салону боком – боком! – пропихивается толстущая тетка-кондуктор и требует плату за проезд с пенсионеров и, что самое несообразное, с детей. С детей!

– Ну да, – пробормотал Кармазин. – Там все кондукторши как на подбор одна другой толще. Как будто их по этому признаку специально подбирали.

– Какие автобусы?! – шепотом вскричал Иван Яковлевич. – Какие кондукторы? Уже сейчас повсюду стоят компостеры для абонементов, откуда ты выкопал этих доисторических кондукторов, да еще жирных?! Где электромобили, где городские поезда на монорельсах? Ну, черт его знает... хотя бы метро? У нас ведь давно собираются метро построить... И разве в грядущем столетии никотиновая зависимость так и не будет побеждена?

– Не будет, – вздохнул Кармазин.

– Вот то-то! У тебя там все, на кого ни упадет взгляд героя, курят. Даже юные девы на улице! Стоят и курят. Как это ты их назвал: «прекрасные коровы»!

– А как их еще-то назвать? Юное иконописное личико... пустой, отсутствующий взгляд... равномерные жевательные движения...

– Непохоже, чтобы твои «прекрасные коровы» имели склонность к посещениям фортепианных концертов, а в сумочках носили томики Блока... Или вот еще: «Он задержался под вывеской, на которой кислотного цвета буквами написано было «Бытовая магия»...» Это что за хрень такая? Ты уж определись, что пишешь, научную фантастику или фэнтези.

– При чем тут фэнтези?! Какая, к черту, фэнтези? Ты же знаешь мою любовь к этому делу...

– Ну а фиг ли тогда?!

– Обычный парфюмерный магазин. Духи там, помада...

– «Парфюмерный магазин», – покачал головой Иван Яковлевич. – Где в нашем городе ты видел парфюмерные магазины? Отдел в ЦУМе – вот тебе и вся парфюмерия.

– Так это же будущее!

– Хорошо, будущее... Но только у тебя рядом с этой... «магией» другая вывеска упомянутого. И на ней начертано, если ты помнишь, «Мясной магазин»!

– Что, что здесь-то тебе не нравится?! – горестно вскричал Кармазин. – Думаешь, сейчас нет мяса, так и никогда не будет?

– Ты, – сказал Иван Яковлевич с ядовитой иронией. – Ф-фантаст, едят тебя мухи... Если это у тебя двадцать первый век, то какие там могут быть к свиньям магазины? Да еще мясные?

– Ну извини. Денежное обращение никто еще не отменял...

– Ты всерьез полагаешь, что в двадцать первом веке мятые бумажки и стершиеся монетки будут использоваться для обмена на продукты питания и первой необходимости?

– И не только первой! А и второй тоже. Будут, и очень активно. Уж поверь мне...

– Как-то нелепо у тебя будущее вторгается в настоящее. Как-то уж всё переплетено и запутано. Магия и мясо! Где ты видел в нашем городе мясной магазин? Не говоря уж о мясе...

– Это же будущее. Грядущий век.

– Ага, грядущий. Как это у тебя... «Молодая девушка, по всем признакам – студентка политехнического университета, с красивым, немного сонным лицом, стояла на углу Софрониевской церкви и лениво потягивала пиво из банки». Студентка... пиво... из банки... Я был студентом, и ты был студентом. Мы оба помним, что пили мы и что пили наши подруги. И уж последним в этом списке было пиво! Из банки, блин... Кстати, Софрониевская церковь – это где?

– Там, где сейчас органнй зал.

– О, мать твою... Ты хочешь сказать, что наступит время, когда там снова будет церковь?

– И не только там. Вместо краеведческого музея, например.

– Рядом, наверное?

– Нет – вместо.

– Твою мать... А музей куда? В зоосад?

– Музея не будет. И зоосада тоже.

– А что будет?

– Говорю же – церковь. Храм. Собор. В общем, культовое учреждение.

– Во всем нашем городе столько верующих не найдется, чтобы заполнить такое пространство.

– В том и дело, что найдется. Возникнут, как бы по волшебству.

– Ну да, ну да... ты же пишешь: «на экране телевизора президент жарко лобызался с патриархом...» Любопытно, с каких это пор член партии вдруг лобызается с церковным иерархом? А как же «партбилет на стол»?

– Не будет этого. И партии той уже не будет. То есть она как бы будет, но в стороне. У нас сейчас церковь отделена от государства, а там коммунистическая партия будет отделена.

– А церковь?

– Наоборот, приближена.

– Зачем?

– Ну-у... грехов много, проще замаливать.

– Но партия-то останется? Я что же, взносы напрасно плачу?!

– Как бы тебе объяснить... Партий будет несколько. Но они такие... игрушечные. Понарошку.

– А ты заметил, что сейчас рассказываешь мне об этом мире чуть больше, чем написал Кармазин осекся.

– Э... м-мм... – замычал он что-то невразумительное.

– Я же сразу заподозрил! – обрадовался Иван Яковлевич. – Все-таки ты что-то знаешь о мире, которого еще нет. Как, откуда? Кто тебе сообщил? Я не допускаю мысли, что ты некоторым образом уэллсовский путешественник во времени – хотя бы потому, что помню тебя чуть ли не с детства, и ты на моих буквально глазах вырос из юного безобидного графомана в подающего немалые надежды молодого литератора сорока неполных лет.

– Всё очень просто, – сказал Кармазин без охоты. – И в то же время сложно. Конечно, я сам сочинил «Сон» от первой до последней буквы. Я же говорю: летело как по маслу. Никто мне его не нашептывал, и ветром в окно не надуло.

– Это и коту понятно. Чтобы сочинить такой... как бы помягче выразиться... *паишквилль*, большой фантазии не нужно. Поступаешь старым чукотским способом: что видишь, о том и поешь. Вот как сейчас идем мы с тобой по улице. Я вижу: детский сад. Детишки идут на прогулку с красивой девушкой-воспитательницей. А ты говоришь...

– Детский сад закроют, помещение продадут. И будет здесь банк. Маленький такой банчишко.

– Я вижу: органнй зал. – Кармазин засмеялся, и Иван Яковлевич поспешно исправился:

– С залом уже всё ясно. Что еще я вижу? А, вот: гастроном.

– Гастроном и останется. Только называться он станет «торговый центр», а хозяином его будет градоначальник.

– Гм... ну-ну. А что тут у нас? Кафе на перманентном ремонте, без названия.

– Гиблое место, – оживился Кармазин. – Кафе не достроят, бросят и начнут сызнова. Тут возникнут поочередно пиццерия «Ева», кафе «Адам», потом ресторан под названием, кажется, «Кактус»... или «Кукес»... а к тому времени, когда мой герой продефилирует мимо, откроется фешенебельное заведение с девочками и живой музыкой «Ле Маркаж».

– Тэ-э-экс... Взглянем направо. Частный сектор деревянной постройки. Слева, между прочим, то же самое.

– Справа – высотный дом с квартирами индивидуальной планировки. С книжным и зоо-магазином. С того угла, что выходит на трамвайную линию, угнездятся быстро «Путята» и торговля обувью. А слева избы как стояли, так и стоять будут. Только обветшают окончательно. Впрочем, очень может быть, что скоро их сожгут.

– Сожгут? Кто?!

– Неизвестные злоумышленники. Спалют вместе с жильцами. Виновников найти не удастся, но на пепелище, кстати, и очень скоро возведут престижную многоэтажку. Этаким жилмассив на костях... Там вообще очень быстро строят. Только отвернись – и дома твоего нет, и кровати твоей нет, и тебя самого нет, а забиты уже сваи, подъемный кран башней вертит, и строители меж собой по-турецки бранятся. Такая вот чукотская песенка...

– Невеселая песенка у нас вышла. Не чукотская даже, а что-то этакое мрачное, готическое. Мол, вот то-то и то-то кое-где у нас порой нехорошо – а будет еще хуже! Только с фотонным приводом...

– А ведь не было никакой фантазии, – печально сказал Кармазин. – Наваждение – да, пожалуй. Я шел по улице, и вдруг словно ветер налетел и встряхнул кроны деревьев. Только вместо деревьев были вот эти дома, вот эти улицы... А сквозь них проступил другой Мир. Я как шел, так и встал, распахнувши рот. Только успел подумать: «С голубого ручейка начинается река... а дорожка в дурку – вот с этого...» Я ведь был с недосыпу жуткого, работал всю ночь, кофе самый поганый хлебал ведрами. Вот, думаю, и началось. И пока я впитывал этот другой Мир всеми своими органами чувств, следом на меня хлынуло Знание. Я знал всё об этом мире. И всё о себе в этом мире. Видел нее только что-то вокруг себя, а и за пределами этого видения. На какое-то время мне удалось слиться с самим собой – тогдашним, совсем уже немолодым, нездоровым, судьбою обиженным, всем всегда недовольным, и совершенно точно знающим, что впереди у него – то есть у меня! – ничего хорошего нет. Этот Мир в нем – во мне! – не нуждается и только и ждет, когда же он, то есть я, избавлю его от своего обременительного присутствия.

– Да брось, – сказал Иван Яковлевич. – Что значит «не нуждается»? Даже если допустить, что всё так, как ты говоришь... У тебя дети, друзья... Читатели, наконец! Ты всем и всегда будешь нужен. Это действительно был бред наяву. От нервного переутомления. Ну ничего, сборник у тебя практически готов, отдохнешь теперь.

– Не бред это был, – промолвил Кармазин. – Просто наше *будущее* по какой-то своей прихоти на краткий миг просочилось в наше *настоящее*. А увидел это один лишь я. Почему? За что мне такой подарок? И как я должен с ним поступить?

– Забыть, – уверенно предположил Иван Яковлевич. – Лично я не готов еще носить тебе передачки в дурку.

– Может быть, и стоило забыть. Я и забуду. Если, конечно, пойму, отчего это произошло со мной. Я вот что думаю... Вот если бы я сидел и писал о каком-нибудь типусе из двадцать третьего века. И он ходил по своим эфирным улицам, дышал своим зефирным воздухом, питался витаминными таблетками, а в отпуск летал на какую-нибудь альфу Гепарда. И думал бы, что так оно и есть, так всегда и было, так и должно быть во веки веков. И вдруг я

отвлёкся. Ну, та же соседка за спичками пришла. Или агитаторы на выборы позвали. Машина за окном с деревом поцеловалась. Да мало ли причин... И я на мгновение вырвался из всего этого эфира-зефира, повел вокруг себя туманным взором и увидел кривые стены в отставших обоях, соседку с ее нелепыми спичками, за окном – пыльные деревья, и трамвай с пьяными работягами ползет-дребезжит от завода до завода... Быть может, в этот роковой миг и придуманный мною типус вдруг увидел мой мир моими глазами. Увидел – и оцепенел в ужасе. И самому себе не поверил, что такое возможно. Ведь он что о нашем мире думал?

– Ничего, скорее всего, не думал.

– Хорошо, если так. А если он историк по профессии и специализируется на второй половине двадцатого века?

– Уж кем ты его в своей нетленке заявишь, тем он и будет. Фрезеровщиком или вальцовщиком, кем еще-то...

– Ну да, вот отойдет он от своего станка, сядет в электромобиль, а наутро с семьей на альфу Гепарда, нежиться в розовых лучах. Чтобы поскорее выдавить из памяти тот кошмар, что привиделся ему моим попусением...

– Да ну, тоже придумал – кошмар! Так, бытовщинка не лучшего разлива, трудности переходного периода от развитого социализма к коммунистическому завтра. Подумаешь – обои у него отстали...

– Видел я это твоё *завтра*. Уж не знаю, какое оно, да только не коммунистическое. Эх! Если бы эти архаровцы, наши фантасты, могли увидеть то, что увидел я, если бы они вдруг поняли, в какую лужу сядут со своими прогнозами и предвидениями... У меня даже злорадства недостает. – Кармазин помолчал. – Одно только внушает мне хоть какую-то надежду.

– Ну, поделись. А то уж совсем вогнал в тоску своими фантазиями.

– Вот что: быть может, нас не существует вовсе? Нас просто выдумали? Мы все, с нашим миром, с нашей бытовщинкой... Я со своими хлопотами по поводу сборника и ничтожной радостью по поводу четырех рублей за воинскую часть... Ты со своей Танюшей и обезьянами, с которыми, в отличие от тебя, она не желает иметь ничего общего... Всё это – плод чьей-то разгулявшейся фантазии? Мы существуем лишь в небольшом участке чьего-то мозга, и то лишь, пока этот мозг о нас думает?

– Да у тебя и впрямь горячка, братец, – сказал Иван Яковлевич. – Вот тебе мой совет: бросай ты это дело.

– Какое дело? – не понял Кармазин.

– Баловство с фантастикой. Ты же видел на литобъединении, каковы они, эти фантасты: глаза безумные, морды небритые, смех истерический. Из любого пустяка готовы сделать вселенский катаклизм, и сами же над ним посмеются. Ей-богу, не стоит тебе заглядывать дальше своего подъезда и глубже нынешнего вечера. Целее будешь. Пиши как писал. Бытовые зарисовки из жизни рабочих династий. Закончи, наконец, бессмертную эпопею «Рабочая закваска». Про племенных кузнецов Сероштановых.

– Потомственных, – проворчал Кармазин.

– Один хрен... Ты закончишь, я издам. И тебя на руках внесут в Союз писателей.

– Меня и так внесут, – сказал Кармазин печально. – Без кузнецов Сероштановых.

– Это как это?!

– Ну... Настанет такое время... В общем... Нужно будет хоть кого-то внести. Только никому уже это будет не нужно. Ни мне, ни Союзу.

– Книжки там хотя бы останутся?

– Останутся. Книг будет море. Причем всяких. И хороших, и плохих, и чудовищных. Не поверишь, но самым издаваемым жанром станет фантастика.

– Не поверю, – сказал Иван Яковлевич. – Как-то не сочетается это с астрологией и религией.

– Еще как сочетается. Это же будет не научная фантастика, а так... Бредятина какая-то. Кстати, грамотности народу книжное обилие не прибавит. Скорее наоборот...

– С какой же это стати наоборот?

– Невежды одолеют, – коротко ответил Кармазин.

Иван Яковлевич подождал, что тот как-то разовьет свою мысль, но продолжения не последовало. Кармазин шел рядом, погруженный в себя, и лицо его было пасмурно.

– Я вот думаю... – начал было он.

– А ты не думай, – посоветовал Иван Яковлевич.

Ложный финал

И всё же крамольные мысли не сдавались без боя.

– Знаешь что? – вдруг спросил Иван Яковлевич. – Эта твоя неожиданная картина мира. Как-то всё это... – Он вдруг сморщился и с чувством произнес: – Ну что за дерьмо?!

– А ты как хотел? – усмехнулся Кармазин. – Почему, позволь узнать, ты решил, что за двадцать с небольшим лет всё изменится до неузнаваемости? Более того, что изменится в лучшую сторону? Что люди, от которых зависит, что и как будет меняться в обществе, непременно станут стремиться к добру и свету, а не к власти и деньгам?

– Да всё я понимаю, – сказал Иван Яковлевич с досадой. – Но ведь хотелось же, хотелось...

Они свернули с центральной аллеи во дворы и миновали пивной ларек, окруженный волнуемой толпой. Кое-кто из томимых жаждой попросту лез к заветному окошку по головам, возбужденно выкрикивая оттесненным друзьям: «Тару готовь, сейчас дела бум делать!..»

– Студентка политеха лениво потягивала пиво из банки, – ядовито промолвил Иван Яковлевич.

– Из трехлитровой, – добавил Кармазин.

И они заржали, довольные своей шуткой, которая окончательно примирила их друг с другом и с окружающей действительностью.

Истинный финал

– Ну, что скажете? – осторожно спросил Денис.

– Забавно получилось, – промолвил Олег. – Неплохая стилизация. Хотя язык, на котором у тебя беседуют редактор и автор, даже принимая во внимание всю заявленную специфику, мне показался слишком цветистым, даже вычурным. Так могли бы общаться какие-нибудь гимназисты в начале двадцатого века.

Они сидели на открытой веранде, слегка затененной от прямых лучей полуденного солнца причудливой занавесью из декоративных лиан. Заблудившийся в орнаменте стеблей шмель добавлял свою лепту в обсуждение, создавая своим растерянным жужжанием ненавязчивый, почти музыкальный фон.

– Как это у тебя, – добавил Антон. – «Бытовая магия»... – Он размашисто начертил пальцем прямо в воздухе дымный контур сердечка, тут же пронзил его такой же иллюзорной стрелой и мановением ладони послал в направлении Наташи.

– Банально, – сказала та. – Это не о тебе, Денис, а об этом символе.

– Зато искренне, – сказал Антон. – И совершенно в духе повествования уважаемого автора.

– Вот ему бы и послал свою нелепую валентинку, – сказала Наташа.

– Я ему другую сотворю. Что-нибудь эфирно-зефирное.

– А меня не стошнит? – засмеялся Денис.

– Ты же сам это придумал.

– Не слушай никого, Денис, – сказала Наташа. – Мне понравилось. Я просто поражена, как тебе это в голову пришло. Как ты сумел из ничего выдумать целый мир. Даже два мира! И заполнить его совершенно непонятными мне проблемами, которыми твои герои не на шутку озабочены. Ты не станешь протестовать, если я тебя поцелую?

– Приму как высшую награду, – сказал Денис.

Некоторое время все задумчиво следили за тем, как Наташа вручает обещанный приз под негромкий аккомпанемент шмелиного оркестра.

– Я-то другому поражаюсь, – наконец сказал Олег. – Как тебе было не лень исписать руками – руками! – столько бумаги. Я бы так не смог. Аплодирую твоему подвигу. Ведь чего, казалось бы, проще! – Он развернул перед собой сияющий экран, на котором появились двое мужчин, тотчас же затеявших меж собой оживленную дискуссию.

– Привет, Бим! – закричал один петушиным голосом.

– Привет, Бом! – в том же духе отозвался другой.

– Мы здесь затем, чтобы!.. – заверещали было оба, но Олег взмахом руки отправил их в небытие.

– Вначале я хотел проверить, существует ли на самом деле магия начертанного слова, – сказал Денис.

– Бытовая! – засмеялся Антон. Он развлекался тем, что жонглировал большими радужными буквами.

– И что же? – осведомился Олег. – Она действительно существует?

– Скорее да, чем нет. Я даже был готов всё бросить... По названной тобою причине: мы писали, мы писали, наши пальчики устали... Но обнаружил, что не могу оторваться, что одна реплика сама собою цепляется за другую, как звенья цепи, а я лишь орудие для переноса их на бумагу. И хотя никакой особенно изящной словесности здесь нет, как вы могли уже заметить, но было радостно видеть, как из-под моего пера рождаются слово за словом, фраза за фразой, выстраивается этот странный, нелепый мир, в котором вынуждены обитать мои герои...

– Забавный поворот темы ты им подкинул, – сказал Антон. – Насчет просачивания временных пластов...

– Ну, ничего нового здесь я не изобрел, – ввернул Денис.

– ... Хотя мог бы оказаться более последовательным и довести ситуацию до необходимого абсурда. Этот твой Кармазин должен был увидеть *наш* мир. Настоящий, истинный мир, который породил его – игрушку праздного ума.

– Не будь таким циничным, – сказала Наташа. – Тебе это не к лицу. Люди не игрушки, ты не знал? Занимайся лучше своими банальными иллюзиями.

– Я не волшебник, – скромно сказал Антон. – Я только учусь. На день рождения ты получишь в дар от меня живого белого единорога. Как ты того и заслуживаешь, наша милая взыскательная муза.

– По правилам игры Кармазин, конечно же, мог увидеть наш мир, – сказал Денис. – Но, увы, во время сочинительства меня ничто не отвлекало! Даже вы, друзья, были на диво снисходительны к моей внезапной фантазии заняться творчеством. У меня не было случая «повести вокруг себя туманным взором», увидеть эту веранду, это чистое небо, этот чудесный мир... и сообщить это видение своему герою.

– И дать ему надежду, – сказал Олег.

– Скорее, внушить полную безнадежность существования в его вымышленном мрачном мире, – усмехнулся Антон.

– Это безжалостно, – сказала Наташа. – Жестоко! Ты должен дописать еще несколько страниц, чтобы всем подарить надежду!

– Не знаю, – сказал Денис. – Пока я чувствую себя выжатым лимоном. Оказывается, сочинительство – нелегкий труд!

– А если я тебя очень попрошу? – настаивала Наташа. – Ты сделаешь это? Для меня?

– Для тебя – что угодно, – улыбнулся Денис. – Но не сегодня, хорошо?

– Смотри, ты обещал.

– Знаете что? – вдруг сказал Антон. – Давайте уже что-нибудь придумаем с этим глупым насекомым, пока с ним не случился нервический припадок!

И они отправились спасать шмеля, на время забыв обо всех прочих делах.

Евгений Гаркушев

Выгодная работа

В грязи поблескивали отражения окон. Затянутое тучами небо казалось таким низким, что плюнь – и долетит. Но Иван даже не пытался – лузгал семечки и сплевывал шелуху в лужу рядом с качелями. Пиво закончилось, плеер сломался, друзья как-то потускнели, потерялись жизнью, как бывшие в обращении монетки. У каждого свои проблемы. То разгульное время, что было до армии, не вернешь. Да и самому шататься по улицам и протирать лавочки уже неинтересно, а работы нет, денег нет, учиться негде и не хочется. Словом, как говорили в школе, наступила полная потеря жизненных ориентиров. Еще и погода мерзкая, холодом тянет, но снег так и не пошел. А впереди – целая зима.

Ничего, никого, и перспектив – никаких. Иван попытался пониже натянуть холодную осеннюю куртку, поежился, достал из кармана последнюю пригоршню семечек. Вечер закончился, не успев начаться. Очередной тоскливый и одинокий вечер... Ладно друзья – так и девчонки не любят. Зачем он им нужен без денег, без работы, без машины и без квартиры? Нет, в самом деле, их можно понять. До армии Иван обижался на девушек, которые его игнорировали, а сейчас только сетовал на жизнь. Ну вот была бы у него сейчас девчонка – сидела бы рядом, смотрела на грязный двор, облетевшие деревья, выщербленную стену котельной? Даже домой он повести ее не мог бы – дома мама, отец и брат, да мешок картошки в прихожей на зиму. Только, сдается, одного мешка им и на месяц не хватит.

Идти домой и слушать нотации, а то и ругань, не хотелось. Но выбора не было. Иван поднялся, оттолкнул ногой пустую бутылку и увидел направлявшегося к нему крепкого мужчину. Не то чтобы он испугался, однако стало немного не по себе. Кому и зачем он мог понадобиться? А шел мужик в кожанке явно к нему – больше не к кому. Судя по уверенной походке, бандит или милиционер. Последнее вероятнее. Сейчас поймает его, повесит какое-то дело – и привет.

Иван прикинул, успеет ли перемахнуть через низенький заборчик, скрыться в темном дворе. Но тогда, если милиционер догонит, вообще не оправдаться. Убегаешь – значит, виноват.

– Эй, парень, подожди!

Похоже, мужчина издали уловил настороженность и неуверенность Ивана – вот и позвал. В голосе угрозы не было, скорее заинтересованность и доброжелательность, даже какая-то мягкость.

– Чего? – не слишком вежливо ответил Иван.

– Дело есть.

– Какое?

– Работа нужна?

Иван насторожился. Тема известная – предложит огород вскопать или там забор покрасить, а потом по голове, и закопает на этом огороде – если псих. Или паспорт отберет, усыпит и на органы продаст. Глупо взрослому парню в такие ужасы верить? Может быть, и глупо, только у кого еще органы донорские брать, как не у здоровых парней? Прикинуться добрым не так сложно, а спрос на здоровые почки, как говорят, немаленький...

Но, скорее всего, мужик – самый настоящий бандит. Сейчас предложит постоять на стреме, пока сам ограбит магазин. А если что, сдаст ментам. Или воткнет перо в бок, чтобы не делиться и не оставлять свидетеля.

Иван сам удивился, сколько разных страшилок промелькнуло перед глазами за доли секунды. Одно ясно – ждать добра от незнакомца, встреченного на заднем дворе детского сада ночью, не стоит.

– Что за работа? – словно нехотя протянул Иван. Голос предательски дрогнул.
– Хорошая. Точнее, не то чтобы очень хорошая, но высокооплачиваемая. Не работа – просто сказка.

– Ага. Ясно. А желающих нет?

– Есть желающие. Но ты, Иван, нам подходишь.

Шпион, что ли? Откуда он знает имя? Иван вздрогнул и судорожно попытался припомнить известные ему военные секреты. По всему выходило, что разведкам вражеских государств он полезным быть не может. Но этот тип специально его искал, теперь точно ясно. И нашел!

– Чем же я вам подхожу?

– У тебя есть необходимый уровень знаний и обязательность.

– А вы откуда знаете?

– Наводили справки.

– Ясно.

На самом деле, ясно ничего не было. В добрых волшебников Иван уже не верил. И в то, что он кому-то сильно нужен, тоже. А такой вот дядя, который посреди улицы предлагает работу, выглядел очень подозрительно. Но верить всегда так хочется...

– Да что мы здесь важные дела обсуждаем? Давай в кафе зайдем, – предложил мужчина.

– Может, лучше здесь?

– Ты знаешь, холодно. Да и в нашей компании есть правило вести переговоры в помещении.

– Ну, если в правилах... Только у меня денег нет.

– Не беспокойся.

– Ладно. А как вас зовут?

– Павел Алексеевич.

– И какую фирму вы представляете?

– Я всё расскажу за чашкой кофе. Тебе нужно согреться, да и в ногах правды нет – так ведь говорят?

Иван послушно пошел за Павлом Алексеевичем, давая себе зарок не пить спиртного и внимательно следить за руками потенциального работодателя – чтобы не подсыпал чего-нибудь в кофе. Только зачем ему такие кружные пути? Мог бы и здесь бутылку пива со снотворным предложить. Подальше от посторонних глаз. Неужели и правда серьезный человек?

Кафе сияло загадочными зелеными огнями. Друзья говорили, что тут всё дорого, а внутрь Иван никогда и не заходил. Мажорское заведение, нечего деньги тратить – даже если они и есть.

Павел Алексеевич по-хозяйски оглядел полупустой зал, прошел к столику у окна, присел. Иван робко устроился напротив, еще раз взглянул на лицо нового знакомого. На бандита совсем не похож. Шрамов нет, нос не сломан, выбрит гладко. И загорелый. Это в конце ноября... Наверное, был где-то за границей, на юге. Или в солярий ходит? Странно, странно...

Неслышно подошедший официант положил перед посетителями большие кожаные папки с меню.

– Ты хочешь чего-нибудь съесть? – спросил Павел Алексеевич, когда официант отошел и не мог их услышать.

– Нет, спасибо, – гордо ответил Иван, хотя в животе бурчало. Пачка семечек да бутылка пива – не слишком богатый ужин, особенно когда обед тоже был условным. Но одно дело – кофе, а другое – наесться за чужой счет.

– Отлично, отлично, – непонятно зачем пробормотал мужчина, вновь подзывая официанта. – Два кофе, два апельсиновых сока и пирожных.

– Каких?

– Да разных, на ваш выбор, десяток.

У Ивана округлились глаза. Десяток? Зачем же столько? Цены на пирожные он краем глаза заметил, когда проходил мимо стеклянной витрины. Каждое пирожное стоило как три бутылки приличного пива. Пирожных по такой цене Иван еще не пробовал.

Сок официант принес практически сразу. Спустя минуту – блюдо с пирожными. Было их не десять, а двенадцать, но Павла Алексеевича это ничуть не смутило, он одобрительно улыбнулся официанту и попросил:

– Еще два бутерброда с ветчиной. Горячих.

– Через пять минут будут готовы. Пить что закажете?

– А вот пить мы не станем, – спокойно и веско заявил Павел Алексеевич. – У нас деловая встреча.

После этого Иван и правда как-то поверил, что его новый знакомый – человек серьезный. Хотел бы он обмануть, непременно предложил бы водки или хотя бы по пятьдесят граммов коньяку.

– Итак, как ты уже понял, я представляю рекрутинговую компанию, или, говоря по-русски, агентство по найму, – заявил Павел Алексеевич, пододвигая Ивану стакан сока и пригубив свой. – Старший вербовщик, уполномочен вести переговоры непосредственно от лица заказчика. Критерии отбора у нас очень жесткие, работа – простая и в чем-то даже примитивная. Но она дает массу преимуществ. Трудиться придется далеко от дома, в отпуск домой уехать не удастся. Ты заработаешь весьма приличную сумму, которую сможешь забрать из банка по возвращении. Никаких вещей, которые ты получишь на месте работы, тебе привезти сюда не разрешат.

– Работа с заразными больными? – спросил Иван. – Или там, где высокая радиация?

– Нет, почему ты так решил?

– Ну, если все вещи придется там оставить...

– У тебя не будет личных вещей. Это одно из условий контракта. Ты будешь пользоваться служебной униформой, служебной техникой, служебной посудой. И недостатка ни в чем не ощутишь, гарантирую.

– Всё казенное? Как в армии...

– Гораздо лучше. Я еще не перечислил основных преимуществ контракта. Попробуй бутерброд. Выглядит аппетитно, не правда ли?

Иван вгрызся в горячий бутерброд. Ничего вкуснее он, наверное, в жизни не ел. И хлеб, и ветчина просто таяли во рту.

– А вы что же? – спросил Иван, расправившись с угощением.

– Я вегетарианец, ветчину не ем. Бутерброды для тебя. А вот слойку с джемом непременно попробую. Кстати, и кофе принесли.

Кофе пах чрезвычайно аппетитно. Обстановка вокруг казалась Ивану всё более приятательной и даже посетители выглядели не зажавшимися буржуа, а вполне приличными людьми. Может быть, художниками или поэтами, а может, популярными музыкантами. Тихая музыка завораживала.

– Так что мне придется делать? – спросил Иван.

– Убирать мусор, – ответил Павел Алексеевич. – Выполнять несложные ремонтно-строительные работы. Если у тебя обнаружатся склонности и способности, тебе могут доверить ухаживать за садом или даже работать на рыбоводческом комплексе – там зарплата выше. Но этого я не обещаю – пока что мы предлагаем тебе должность рабочего по благоустройству территории. Работы много, трудиться придется десять часов в день шесть дней в неделю. График выходных скользящий.

– Ясно. А платят сколько?

– Десять тысяч в месяц, – объявил Павел Алексеевич.

– Рублей?

– Не долларов же?

– Ну да. Тогда я не понимаю, в чем соль. Дворником в жилищное управление на шесть тысяч я и сейчас устроиться могу – меня мать заставляет хотя бы туда пойти, зиму переждать.

– И почему не идешь?

– Да там только таджики работают. Не престижно совсем. И платят мало. Зато в жилконторе работа с восьмью до пяти и два выходных. Тот же мусор за те же деньги, не уезжая из дома.

– Вот именно! – почему-то обрадовался вербовщик. – Не уезжая! А разве тебе не хочется посмотреть мир?

– А вы меня в Америку приглашаете? – спросил Иван. – Так загранпаспорта нет, и английского языка я не знаю.

– Проблема с языком решаема, распоряжения начальства ты без труда поймешь даже с базовым уровнем подготовки. Что касается документов – это наша проблема. Доставка – тоже наша проблема, за билеты платить не придется. Также мы даем аванс. Всё абсолютно законно. Не переживай, в рабство тебя не заберут. Всё чисто и честно.

– Так что, правда – Америка? – У Ивана перехватило дух.

– Бразилия или Аргентина. Может быть – Австралия.

– Ничего себе...

– Ты самого главного не слышал. Питание оплачивается работодателем. Шведский стол в любом кафе, имеющем договор с нашей организацией, а таких кафе едва ли не половина в мире. По вечерам разрешен алкоголь по специальным талонам, в субботу вечером – неограниченно. А пиво там гораздо вкуснее, чем здесь. И совершенно бесплатно.

– Ну, если с питанием – можно согласиться и на десять тысяч, – кивнул Иван, прикидывая, сколько он заработает «чистыми» за год. Получалось не меньше ста тысяч, даже если какие-то деньги тратить. А на сто тысяч можно машину купить, пусть и старенькую. А если поработать два года, то можно взять тачку получше, почти новую.

– Каждый год положены премиальные – в размере двух окладов, – продолжал обольщать парня Павел Алексеевич. – Если должностные обязанности выполняются безукоризненно – премия может быть удвоена.

– Хорошо.

– За прогулы, ненадлежащее выполнение обязанностей – немедленный расчет и внесение в «черный список» нашего агентства.

– Ясно.

– Ты ешь пирожные, не стесняйся.

Иван попробовал какую-то причудливую корзиночку – крем был великолепным, а засахаренные фрукты – настоящими, очень вкусными.

– Место в общежитии дадут? – жуя, спросил парень.

– Тебе будет бесплатно предоставлена отдельная комната с удобствами в жилом комплексе, расположенном не далее километра от океана. Если повезет – даже с видом на океан. А если не повезет – тебя могут перевести в лучшее помещение за хорошие успехи или когда ты наработаешь какой-то стаж и зарекомендуешь себя.

– Вот буржуи дают, – хмыкнул Иван. – Отдельная комната! С видом на море! Да это же просто сказка!

– Именно. Мы делаем очень хорошее предложение. Отличным питанием и жильем льготы не ограничиваются. Каждый заключивший контракт получает в пользование полный комплект бытовой техники: телевизор во всю стену со стереозвук и двумястами спутниковыми каналами, в том числе и на русском языке; компьютер, подключенный к сети, с безлимитным трафиком; мобильный телефон; единый проездной билет – по нему можно путешествовать в выходные дни, причем на расстояние до тысячи километров. Вещи вы сможете стирать в общей прачечной, по бесплатным талонам.

Иван взял еще одно пирожное – эклер, понял, что наелся, но всё равно надкусил угощение и заявил:

– Всё это слишком хорошо, чтобы не быть сказкой. Похоже, вы меня кидаете. И, если я соглашусь, мне придется бесплатно собирать чай или пасти овец где-то в высокогорье, а жить в земляной яме, питаюсь сухарями. И всё это будет даром, без обратного билета.

Павел Алексеевич допил кофе, отставил чашечку в сторону и подозвал официанта, показав жестом, что хочет расплатиться.

– Ты ошибаешься, – холодно заявил он. – Если хочешь, можешь навести справки о нашем агентстве. Оно зарегистрировано уже десять лет. Мы работаем в постоянном контакте с милицией. Не было ни одного случая, чтобы наши клиенты не возвращались домой или не получили обещанную сумму. А аванс, как я уже обещал, выплатят сразу, вперед за три месяца. Можешь отдать его родителям или истратить по своему усмотрению. И еще, учти – по прибытии на место или спустя некоторое время тебе положен бесплатный звонок домой. После этого ты сможешь звонить только за наличные, а это крайне дорогое удовольствие. Я предупредил сразу, чтобы ты не подумал потом, будто тебя обманули. У нас всё чисто.

– И слишком хорошо. Зачем простому рабочему телевизор во всю стену и безлимитный Интернет?

– Мы предлагаем больше, чем ты привык получать, именно для того, чтобы ты качественно выполнял нужную работу. Таковы законы нашего бизнеса, которые нас еще никогда не подводили. Итак, ты согласен?

– Мне надо подумать, – тихо сказал Иван.

– И навести справки, – кивнул Павел Алексеевич. – Вот моя визитка, в ней название и адрес вербовочной конторы. Если есть желание – проверь всё, спроси о нас в милиции, в налоговой инспекции, расскажи родителям – и приходи послезавтра. Сразу получишь аванс за три месяца. Отправка в тот же день в полночь.

Иван взял черный картонный прямоугольник. На нем красовалась радужная голографическая эмблема – молот и наковальня, и крупными буквами было написано: «Работа». Ниже мелкими буквами шел адрес, номер телефона, имя и отчество вербовщика – без фамилии.

– Почему надо выезжать так поздно? Чтобы никто не видел?

– Да перестань ты волноваться! Мы каждую неделю десятков человек отправляем – и хоть бы один недовольный. Рейсы так назначены. Да и дешевле. Билет ведь оплачивает фирма.

– Понятно.

– Вот и отлично, – вербовщик расплатился с официантом, поднялся из-за стола. Вскочил и Иван. – Да ты посиди, погрейся, – предложил Павел Алексеевич. – У меня еще два randevu сегодня. А ты отдыхай. И пирожные непременно с собой заberi, если не съешь. За них заплачено, зачем добру пропадать?

Через пять минут после того, как Павел Алексеевич исчез за зеркальной дверью, Иван подозвал официанта и, краснея, попросил его завернуть пирожные, чтобы он взял их с собой. Ему было стыдно, хотя он где-то и слышал, что так даже в Европе делают. Мама очень любит сладкое... Жаль, нет девушки, которую тоже можно было бы угостить.

* * *

Сизая пыль клубилась в воздухе, съедая даже те лучики света, что пробивались в каменоломню сверху, через вентиляционные окошки. Марк ударил киркой по огромному валуну, который никак не мог расколоть, и выронил ее, закашлялся. Вздрыгнул, ожидая удара кнутом, напрягся, но боль не пришла. Сзади послышались тихие шаги – надсмотрщик топал совсем по-другому. Станный безбородый мужчина с неплохо развитой мускулатурой и неестественно

гладкой кожей, едва присыпанной здешней пылью, подошел и внимательно оглядел каменотеса.

– Есть дело, Марк, – произнес он заговорщицки.

– А ты кто?

– Друг, – широко улыбаясь, ответил мужчина.

– Если ты друг, как можешь радоваться, видя меня в столь плачевном положении? – спросил Марк.

– Я пришел помочь тебе, – объявил безбородый. – Меня зовут Павел.

– Вряд ли кто-то сможет мне помочь, Павел. Я болен и скоро умру в этой проклятой пыли, среди холодного камня.

– Именно для того, чтобы этого не случилось, я здесь. Предлагаю тебе вырваться отсюда.

– Сбежать? – Глаза Марка загорелись надеждой.

– Нет. Сбежать из каменоломен нельзя, и ты это хорошо знаешь. Но я договорился с хозяином о твоём выкупе.

– Выкупе?

– Да. Мне нужны работники. Точнее, не мне, а моему хозяину.

– Вряд ли какая-то работа может быть хуже, чем здесь, – заметил Марк. – Только разве раба спрашивают, когда продают?

– Насчет качества работы и уровня жизни я бы на твоём месте не был так уверен, – с легкой усмешкой ответил Павел. – А спросить человека всегда имеет смысл – для того, чтобы он работал сам и его не нужно было подгонять кнутом.

– Может быть, – вздохнул Марк. Заживающие рубцы на спине чесались, а свежие саднили.

Павел присел на камень, извлек откуда-то из-за спины маленький мех, протянул его Марку.

– Пей.

В мехе оказалось вино – сладкое и освежающее. Правда, оно почему-то совсем не пьянило.

Между тем Павел извлек из сумы чистую тряпицу, расстелил ее на плоском камне и выложил на нее какие-то странные лепешки и свежие фрукты, а кроме того – несколько ломтей белого сыра.

– Угощайся.

Уговаривать Марка не пришлось. Кормили на рудниках сносно: пресная лепешка утром, пресная лепешка вечером, да горячая похлебка с бобами в обед. Но каменотесам в холодных расщелинах этого, конечно, не хватало.

– Я – посланец богов, – внезапно заявил Павел. Марк едва не подавился сыром. – Мы заметили тебя. Ты был пиратом, но, несмотря на свое ремесло, всегда снисходительно относился к людям. Не обижал слабых, жалел детей и женщин. Так?

– Так, – смущенно ответил Марк. – Наверное, поэтому меня и не распяли, а продали сюда.

– Вообще говоря, всю вашу команду продали на рудники, – заявил Павел. – Нехватка рабочей силы... Но речь не о том. Ты не разбойник в душе и поэтому нам подходишь. Мы можем вытащить тебя из каменоломен и приставить к другой работе, полегче – если ты поклянешься всем, во что веришь, работать на совесть и исполнять требования людей, которым мы тебя отдадим. Они будут добры к тебе.

– Хуже не будет, – вздохнул Марк. – Надеюсь.

– У тебя будет своя хижина и очаг в ней, – пообещал Павел. – И лес рядом, где ты всегда сможешь набрать хвороста. Ты должен будешь без устали пахать землю и мостить камнем дороги, но всё это под открытым небом, а не здесь, в сырости и пыли. У тебя будет вволю чистой воды и то, что ты вырастишь на огороде. Репа, огурцы, капуста. И даже такие дивные

овощи, которых ты никогда прежде не видел. Спать придется не на голых холодных полях, а на теплом хворосте. Ты сможешь даже заработать на овечью шкуру, чтобы укрываться ею. Ну и порка там полагается только за большие провинности. Надеюсь, до этого не дойдет. К тому же, время от времени бывают праздники, во время которых можно не работать.

– Я согласен, – еще раз подтвердил Марк. – Глупо отказываться от подарков судьбы!

– В случае неповиновения, серьезного проступка или преступления ты будешь сразу же низвергнут в такие мрачные края, по сравнению с которыми каменоломни покажутся тебе хорошим местом.

– Я буду верен и предан, – пообещал Марк.

– Идет. Смотри же, старайся.

Тьма окутала Марка, а когда он очнулся, то увидел чудесную деревушку у склонов гор с подступающим с одной стороны лесом. Хватало вокруг деревни и расчищенных полей.

На пахоте копошились смуглые люди, в основном – женщины. Пейзаж так понравился Марку, что он заплакал.

– Да, языка этих людей ты не знаешь, но, думаю, вы сможете объясниться. Я подскажу им, что с тобой делать, – раздался из-за плеча голос Павла. Когда Марк обернулся, за спиной у него никого не оказалось.

– Я буду работать! – вскричал Марк. – Только позвольте! Позвольте мне работать!

* * *

От болота поднимались гнилостные, мерзко пахнущие испарения. Широкий нос Мала задрожал, он чихнул и очнулся. Вывихнутая нога распухла и нестерпимо болела, живот сводило от голода. Черви и пиявки расползлись подальше – и перекусить нечем. Да и болотные гадюки обходили Мала стороной. А гоняться за ними он не мог – при каждом движении ногу пронзала острая боль. И сюда он еле дополз...

Похоже, зря. В тумане появился чей-то силуэт. Если это брат – конец. Добьет или утопит в болоте. Если кто-то из племени – скажет брату, где он, и брат придет и убьет, или утопит в болоте. А может, так и лучше? Всё быстрее, чем подышать от голода.

Однако всё оказалось еще хуже. Из тумана возник странный, тощий и бледный, безбородый, безволосый, в диковинных шкурах дух. Мал хотел закричать, прогнать наваждение ночи, но голос охрип, и крик получился сдавленным, еле слышным. Тогда Мал заскулил и попытался уползти.

– Спокойно. Я друг, – тихо, замогильным голосом сказал дух.

Мал, конечно, слышал истории о добрых духах. Только вряд ли место им на гнилых болотах. Доброго духа можно встретить в редколесье или у водопада, может быть, в поле или на реке. Но не в болотах и не в горах, не в чащобе и не в овраге.

– Я вылечу тебя и накормлю, – пообещал дух.

Звучало заманчиво, но Мал не слишком верил в такие подарки. Вылечит, накормит, а потом выпьет всю кровь, заставит трястись в лихорадке... Хотя что терять? Он всё равно скоро умрет. Если не сам, так соплеменники помогут. Не нужно было оспаривать власть брата, да еще и цепляться к его младшей жене, темноглазой Лиане.

– Ты мне веришь?

– Нет, – коротко бросил Мал.

– Возьми, – дух протянул Малу лепешку, похожую на сухие испражнения больного животного.

– Зачем?

– Съешь. Еда восстановит твои силы.

Малу приходилось пробовать горькие снадобья, которые давал шаман. Иногда они помогали. Лепешка выглядела мерзко, но, может быть, она и правда способна унять боль в ноге?

Взяв странное угощение на зуб, Мал не заметил, как проглотил его целиком. На вкус лепешка оказалась куда лучше, чем на вид. Она напоминала сытные желтые зерна, только была куда мягче и вкуснее.

– Понравилось?

– Да, – признался Мал.

– Хочешь уйти со мной в места, где такие лепешки будут давать тебе дважды в день? А еще ты получишь отличную похлебку... Хотя ты, наверное, не знаешь, что такое похлебка?

– Нет.

– Она гораздо вкуснее лепешки. Почти как горячая кровь.

– Я хочу в такое место, – заявил Мал.

– Но ты попадешь туда не просто так. Тебе придется ломать камни и таскать их, чтобы другие люди строили из камней дома.

– Я перетаскаю столько камней, сколько надо. Когда у меня заживет нога.

– Ногу я вылечу тебе сразу. Но прежде ты должен пообещать, что тебе понравится колоть и таскать камни.

– Таскать камни лучше, чем сдохнуть на болоте, – философски заметил Мал.

– Если ты будешь работать медленно, тебя станут бить кнутом. Палкой с кожей на конце, – объяснил дух.

Мал вспомнил зуботычины брата и захохотал.

– Камнями бить не будут?

– Маловероятно, – пробулькал дух.

– Что?

– Если будешь слушаться – нет.

– А хищных зверей там много? – спросил Мал.

– Нет. Их там совсем нет. Зато есть крысы, которых легко ловить и есть. Крыс много. И всякие жуки попадают. Мокрицы.

– Мокрицы невкусные. Крысы лучше, – облизнулся Мал. – Я готов уйти с тобой.

– Ты будешь жить, пока будешь колоть и таскать камни, – предупредил дух. – И тебя никто не посмеет убить, если ты будешь хорошо работать.

– Тогда я буду жить долго, – заметил Мал.

– Но из пещеры, где колют камни, выходить в лес будет нельзя. Ты должен будешь всё время оставаться в пещере.

Мал вздохнул, но выбирать, похоже, не приходилось.

Дух достал из складок своих шкур какую-то диковинную иглу и вонзил ее в ногу Мала. Спустя пять минут дернул за ногу, но Мал отчего-то ничего не почувствовал. Боль в ноге вообще пропала! И опухоль спадала на глазах.

– Ты могуч, дух, – восхитился Мал.

– То ли еще будет, – усмехнулся дух. – Смотри, ворочай камни на славу. А отзываться будешь на имя Марк, а не Мал.

– Марк? – пожевал на языке новое слово Мал.

Новое имя ему понравилось даже больше прежнего. Оно было сильнее. Гораздо сильнее. С таким именем можно стать настоящим хозяином большой каменной пещеры.

* * *

Весна – время голодное. Григор, Вэли и Овидиу бродили по лесу и собирали хворост. Хоть положить в котел почти нечего, очаг топить нужно. Да и в лесу куда вольготнее, чем в тес-

ном домишке, где капризничают голодные дети и ворчит недовольная жена. Кроме хвороста, в лесу было нечем поживиться – ни грибов, ни ягод, ни зелени. Трещат на деревьях сороки, шуршит под ногами прошлогодняя весна, да журчат сбегаящие с гор ручейки. Тепло, да несытно.

Незнакомый человек вышел из-за толстого ствола бука неожиданно – словно нарочно там прятался. Может, так оно и было. У барина появился новый лесничий? Хотя на лесничего человек похож не был. Одежда уж больно диковинная, сразу видно, из дальних краев.

– Здорово, мужички, – нараспев протянул человек. – Как поживаете?

– Живем помаленьку, – нехотя отозвался Вэли, пряча топор за спину. Деревья они не рубили, но разгуливать по барскому лесу с топором всё же не стоит.

– Ничего плохого не делаем, деревья не валим, зверя не бьем, – решил на всякий случай оправдаться Овидиу.

– Да уж вижу, – солидно кивнул человек. – Работящие мужики, только работы нет, верно?

– Весна, – коротко ответил Григор. – А ты кто такой будешь, не прогневайся?

– Павел, – представился человек.

– С Украины? – уточнил Овидиу, который в деревне слыл грамотеем.

– Нет, из Америки. Слыхали про Америку?

Мужики солидно кивнули. Слыхали, отчего ж не слышать? Далековато забрался, нечего сказать...

– Так вот я работников ищу. Понимающих, – заявил Павел. – Которые на все руки мастера, трудом своим семьи накормят, и сами тосковать не станут. А?

– Что «а»? – уточнил недоверчивый Вэли.

– Хотите жить сытно, и чтобы семьи не голодали?

– Кто ж не хочет, – хмыкнул Григор.

– Так поступайте ко мне на работу. На три года вас в Америку увезу... А еще лучше – в Москву. Москва поближе будет, и работа спокойнее, а народ – отзывчивее и веселее. Каждый день лапшу куриную есть станете да сало. Ну и деткам зерна подкину, по мешку в месяц на семью.

– По мешку зерна? – заинтересовался Овидиу. – Не так плохо, а? А мешки какие – четырехпудовые?

– Почему четырех? Три с половиной пуда. Обычные мешки, – ответил Павел. – И жить будете в тепле. Хоть и в тесноте, а не в обиде. Музыка сможете каждый день слушать – слышали про радио?

– Нет, – ответил Григор.

– Ну, неважно. Скучать не придется.

– Значит, в городе работать нужно? – спросил Вэли.

– Конечно. Подметать, мусор собирать, белить, красить...

– Женская работа, – заметил Овидиу.

– А вам бы пахать хотелось? Или камни тесать?

– Почему камни? Овец пасти – мужская работа. Зверя бить. Или хворост собирать.

– Хворост собирать тоже будете. В парках да между домов. На самодвижущихся повозках ездить. Одежда будет теплой, красивой – вы такой и не видели никогда. А стоит дешево! Даже детям можете привезти. Одежда китайская, на века не останется. Но красота!

– А семьи как без нас? Кто поля вспашет, пшеницу посеет?

– Поля ваши вспахать я человека найду. А зерно посеют женщины. И сожнут тоже. Справятся ведь?

– Справятся, – солидно кивнул Григор. – Им не привыкать.

– Самое главное – работать хорошо, – строго заявил Павел. – Если что не так – домой без оплаты, а то и живы не будете. Поняли?

Овидиу тоскливо поглядел на американца, вспомнил барина и его холопов, которые не раз устраивали ему порку из-за потерянных овец, и решил, что американец все-таки симпатичнее. Он не только грозил, но и обещал. Куриная лапша каждый день! Виданное ли дело?

– Еще бы таджикский язык вам выучить, – раздумчиво протянул Павел. – От таджиков прибыль выше и работа у них не такая квалифицированная... Но, с другой стороны, сойдете за молдаван. Собственно, вы почти молдаване.

– Какие еще молдаване?

– Неважно. Главное, если будут спрашивать, откуда, говорите, что из Молдавии. А план по таджикам я закрою кем-нибудь из Персии.

Григор, Вэли и Овидиу не совсем поняли, что бормочет американец, но переспрашивать не стали. Главное, чтобы выдал аванс.

* * *

Иван явился на сборный пункт рекрутского агентства вовремя, в половину двенадцатого ночи. Деньги все отдал матери – Павел Алексеевич заверил его, что в ближайшие три года они ему не понадобятся, так зачем беречь? Пусть родители купят что-нибудь нужное. Стиральную машину, например. Полезная вещь. Мать хоть немного отдохнет.

На сборном пункте ожидали отправки еще два парня и девушка. Позже подошла еще одна. Парни были нормальные – не наглые, молчаливые. Одеты не очень хорошо. Девчонки тоже самые обыкновенные – не красавицы, но и не страшные. Та, что опоздала, рыженькая, Ивану даже понравилась. Интересно, может, работать где-нибудь рядом будут? Можно было бы познакомиться поближе. Но пока все сидели, помалкивали, ждали.

Павел Алексеевич вышел к ним из своего кабинета без пятнадцати двенадцать. Посмотрел рассеянно, вздохнул. Одет он был не в солидную кожаную куртку, как два дня назад, а в льняной костюм не по сезону, к тому же присыпанный пылью. Да и на лице у вербовщика были какие-то грязные разводы.

– Все в сборе? – спросил он.

Рекруты промолчали. Им-то откуда знать? Друг с другом их не знакомили.

Павел Алексеевич достал из кармана тонкий пластмассовый коммуникатор, поглядел на экран, кивнул.

– Слушайте меня внимательно. Еще раз предупреждаю: только работа на совесть позволит вам удержаться в проекте. Никаких эксцессов быть не должно. Общение с местным населением – по минимуму. Форменную одежду не снимать. Ваш цвет – оранжевый, вы должны об этом помнить. Кстати, наденьте бейджики, – Павел Алексеевич раздал оранжевые карточки на шнурках с именами и штрихкодами. – Можете общаться между собой, ходить друг к другу в гости, но общение должно быть ограничено вашими товарищами по работе.

Ясно?

Ивану мысль насчет того, чтобы ходить друг к другу в гости, понравилась. Он осмелился поднять глаза на рыженькую девушку. Та уже смотрела на него и, встретив взгляд, усмехнулась, а потом вздернула носик. Иван покраснел. Кажется, звали девушку Елена? Или Алена? Иван не успел прочесть имя на бейдже.

– Идемте, – предложил Павел Алексеевич, указывая рукой на дверь своего кабинета.

В кабинете не задержались. Прошли в маленькую комнатку, где все едва поместились, а потом Петр Алексеевич открыл дверь с другой стороны – и рекруты разинули от изумления рты. Они оказались на берегу океана, из которого поднималось багровое солнце. Береговая линия была застроена огромными небоскребами. Были среди них уступчатые, были иглы, пронзающие небо, а самое большое здание в виде огромной пирамиды возвышалось в океане. Стеклообразные стены небоскребов играли багрянцем.

– Вы попали в две тысячи сто тридцать второй год, – буднично проинформировал рекрутов Павел Алексеевич. – Здесь вы и будете работать – у нас нехватка рабочих рук.

– То есть обратно мы не вернемся? – испуганно спросил зеленоглазый блондин в джинсовой куртке, который на сборном пункте сидел напротив Ивана.

– Вернетесь. Почему нет?

– А как же всякие временные парадоксы? Мы же можем узнать технологии будущего и внедрить их в прошлом!

– Ничего вы не можете, – устало ответил Павел Алексеевич. – Вас и выбрали потому, что учиться вы не собираетесь, а работать согласны. Так что насчет технологий мы можем быть спокойны. Ну а рассказывать о жизни в будущем и о своей работе вы сможете сколько угодно. Хотя вряд ли это разумно...

– Почему? – спросила рыженькая.

– Никто не поверит. К тому же, по опыту знаю, вам здесь очень понравится, и вы постараетесь продлить контракт на максимальный срок. Домой будете ездить только для того, чтобы повидаться с родными. И я вас прекрасно понимаю. Когда приходится работать в вашем времени, просто дрожь берет. Но бывало, бывало в истории куда хуже... Кстати, не беспокойтесь, что ваше общество станет беднее оттого, что вы работаете на нас. Действуют стандартные процедуры замещения – для работы в вашем мире завербованы менее квалифицированные специалисты, а на их место пришли еще менее квалифицированные. Так что равновесие соблюдается.

– Да мы сильно и не переживали по этому поводу, – заметил блондин.

– Напрасно. Равновесие очень важно. Впрочем, вы отчасти правы. Планировать – не ваша работа. И даже не моя. Я, как и вы, выполняю только технические функции. Отбираю и вербую работников.

Девушка с платиновыми волосами в ярко-зеленом платье с оранжевым бейджем на груди спланировала к группе рекрутов откуда-то с высоты на серебристой доске наподобие скейтборда, даже с колесиками.

– Рада видеть вас! – широко улыбнулась она. Зубы девушки блестели, кожа словно светила. Да и приталенное платье выглядело потрясающе.

Павел Алексеевич радости девушки не разделил, а хмуρο бросил:

– Ты опоздала.

– Это вы прибыли рано.

– Мы не можем прибыть рано, Алиса. Механизм перемещения рассчитан на прибытие в определенную точку, так что мы не появляемся ни до точно назначенного срока, ни после. И я сильно устал. Поэтому бери этих ребят и определяй их в общежитие.

– Общежитие? – расстроено протянул Иван.

– Общежитие, – кивнул Павел Алексеевич. – Но в точности такое, о каком я рассказывал. С отдельными комнатами, огромными телевизорами, видом на море и хорошим рестораном самообслуживания. Вон оно, кстати, в той башне, – вербовщик показал на круглый небоскреб с матовыми окнами метрах в пятистах от моря. – Наверху, на крыше, замечательный солярий и бассейн.

Блондинка вновь широко улыбнулась рекрутам – правда, улыбка оказалась слишком радушной для того, чтобы не быть дежурной, – и провозгласила:

– Добро пожаловать в новую, чудесную жизнь! Сегодня вы устраиваетесь в своем новом жилье, знакомитесь с коллегами. Завтра мы идем с вами по магазинам – покупаем необходимые вам вещи за счет компании. Послезавтра – работа. А через неделю, в ваш первый выходной, предлагаю вам посетить мои уроки серфинга!

– Мы и серфингом будем заниматься? – изумился русоволосый парень, который до этого молчал.

– В свои выходные вы можете делать всё, что угодно. Кататься на лыжах, плавать под водой, летать на дельтаплане. Заняться у нас есть чем, поверьте. Вы будете держаться за эту работу руками и зубами. Мне ли не знать?

По дороге в общежитие рекруты встретили несколько групп сосредоточенных людей в оранжевых комбинезонах. Одни чистили пляж устройствами, напоминающими пылесосы, другие возились с каким-то оборудованием около небоскреба, третьи шли вдоль берега, весело переговариваясь. Заметив вновь прибывших, девушка из последней группы приветливо поманила им рукой. Рекруты робко улыбнулись ей в ответ.

– А девчонок много. Красивые, – тихо сказал Иван русоволосому парню.

– Угу, – смутившись, ответил тот.

* * *

Большой холодный город пугал шумом и огнями. Деревца здесь росли какие-то чахлые, а улицы были широкие, страшные. Вэли и Григор испуганно жались к стене дома, и только Овидиу решился подойти к железному столбу, потрогать его. Рядом со столбом стояло замечательное железное ведро, даже не ведро, а фигурная железная ваза. В нее кто-то положил яркие бумаги и совершенно целую прозрачную бутылку.

Овидиу запустил в ведро руку, выудил бутылку, показал товарищам.

– Страна богачей! – почтительно прошептал он. – Это ничье? – обратился он уже к Павлу.

– Стой! Не лезь в урну! – возмутился тот. – Скоро у вас этих бутылок будет – хоть всю квартиру заставь.

– О, – вздохнули Вэли и Григор.

– Ведите себя прилично! Ну-ка, шагом марш! Мне вас еще на квартиру устроить надо.

Идти по улице оказалось не очень страшно. Хорошо, не поехали на одной из самодвижущихся повозок, о которых рассказывал Павел. Повозки ворчали и проносились мимо так быстро, что непонятно было, как у седоков не кружится голова. С лошадью на такой скорости не справиться. А их проводник Павел не обращал на повозки никакого внимания.

На минуту он остановился у яркой палатки, полной диковинных овощей и фруктов.

– Что вам купить? – обернулся он к румынам. – Яблок, груш? Или бананов попробуете?

– Нам бы чеснока, – ответил за всех Григор. – Ты обещал лапшу дома.

– Ах да, надо еще взять лапши. И сала, – кивнул Павел. – Ваш бригадир будет жаловаться, что ему опять идти в магазин. Проще самому...

Павел купил чеснока, лука, потом зашел в какой-то богатый барский дом и вышел оттуда с ярко-желтым мешком на ручке. Заглянуть в мешок никто из мужиков не осмелился, хотя очень хотелось.

Во дворе еще одного огромного дома подметал каменную мостовую бородатый пожилой мужчина в шубе из меха неведомого зверя.

– Джорджи! – позвал мужчину Павел.

– Джорджи! – воскликнул Овидиу. – Да ведь это Джорджи из Рэду!

– Ну да, он откуда-то из ваших краев, – не стал спорить Павел. – Джорджи, принимай новых работников!

– Овидиу. Григор, – констатировал Джорджи. – А тебя, парень, я не знаю.

– Я Вэли.

– Ладно, Вэли, будем знакомы. Пойдемте, я покажу вам жилье.

И Джорджи нагло направился в господский дом, прямо в центральный подъезд. Правда, внутри дом оказался не таким богатым, как снаружи, но здесь было тепло и сытно пахло.

За миской чудесной лапши, которую приготовили за каких-то пять минут, Джорджи рассказал о том, что потребуется от новых работников. Павел слушал и кивал.

– Смотри, не обижай их, Джорджи, – строго предупредил он бригадира.

– Нет, Павел, нет, это же земляки, – заталкивая в рот зубок чеснока, заявил пожилой румын. – То ли дело – таджики. Их я не люблю.

– Чтобы я такого больше не слышал! Они тоже работают на корпорацию! – возмутился Павел. – И ничем не хуже тебя.

– Они не хуже, – не стал спорить Джорджи. – Но они мне не земляки, а на огненной потехе в прошлом году пытались меня избить и порвали новую нейлоновую куртку. Не за что мне их любить.

Павел только хмыкнул, потом полез в большой деревянный шкаф, достал оттуда три хороших тюфяка.

– Матрасы еще не продал? – спросил он у Джорджи. – Молодец, хвалю. Смотри, если проверяющие чего не досчитаются – будешь год бесплатно работать, на голодном пайке. Одеяла тоже есть? Где они?

– Есть, – мрачно ответил Джорджи.

Он встал из-за стола и извлек из-под кровати три отличных шерстяных одеяла. – Не беспокойся, начальник. Хотя рано им выдавать одеяла. Пусть заработают.

– Заработают.

– Да, да, – дружно закивали мужики.

– Ладно, тогда я вас покидаю, – заявил Павел. – В жилконторе завтра регистрируешь всех троих, Джорджи, держи паспорта.

– Всё сделаю.

– Работать их сразу не заставляй, пусть осмотрятся.

– Хорошо, хорошо, осмотрятся. Мы с ним на Арбат вечером пойдем, – пообещал Джорджи. – Я их беляшами угощу, пива куплю. Не бойся, Павел, дело свое знаю. И машин они бояться уже через три дня не будут. Это ж земляки мои, не какие-нибудь таджики.

* * *

Волны мягко терлись о бок жилой платформы. Наступал вечер – хороший вечер удачно проведенного, пусть и трудного, дня. Вести переговоры с древними людьми – не сахар, зато процесс творческий – не камни тесать и не мусор таскать. Сам Павел, если бы пришлось выбирать, предпочел бы раскалывать камни, а не возиться с мусором. Только не больше шести часов в день и с двумя выходными в неделю. Увы, такого рабочего графика в Древнем Риме предусмотрено не было, да и платили немного. Но если выгодно вложить деньги, даже гроши через три тысячи лет могут превратиться в миллионы.

Павел скинул походные кроссовки, окунул ноги в воду. Как хорошо отдыхать на своей собственной платформе, когда вокруг ни души, солнце садится в океан, пахнет свежестью и только немного – нагретым за день металлом и коллоидной пленкой проработавших весь день солнечных батарей. Что и говорить, жить стало лучше, жить стало веселее. Жилая антигравитационная платформа – далеко не румынская хижина и даже не двухкомнатная квартира в загазованном, тесном и холодном городе.

Мысленной командой Павел активировал прямо над водой универсальный голографический экран, просмотрел список несостоявшихся контактов, баланс сделок. Дела шли неплохо.

Пять секунд ожидания вызова – и над океаном появилось хорошенькое личико Ирочки, штурмана и целеуказателя Павла.

– Ты была сегодня очень точна, милая. Отличная работа. Спасибо.

– Ты тоже оказался на высоте, – не осталась в долгу девушка. – Обработал всех просто отлично. Только у румынов прокололся, с радио, но вряд ли они обратили внимание.

– Ну, я думал, радио уже изобрели. Мне показалось, что музыка их соблазнит.

– Да, они и по лесу шли – напевали. Еще до того, как тебя встретили.

Ирочка широко улыбнулась, поправила прическу, сдвинулась немного влево. Теперь за ней можно было увидеть небольшой кусочек панорамы вечерней Москвы – инверсионно-паровые, радужные следы воздушных катеров и скутеров, паруса солнечных батарей с отблесками орбитальных зеркал на отражателях.

– Если удастся выдержать темп, мы получим неплохую квартальную премию, – заметил Павел. – Приличные деньги.

– Как будешь тратить?

– Хочу пригласить тебя на Ганимед. Там открылся какой-то новый, совершенно роскошный отель. Да и вообще, я на Ганимеде ни разу не был.

Ирочка очаровательно зарделась и тихо сказала:

– Я тоже не была. Если настаиваешь – я согласна. Посмотрим на Юпитер вблизи.

– Мы заслужили, правда? – тихо сказал Павел. – Не зря же так вкалываем... Тебе не кажется, что договариваться за одну смену с четырьмя клиентами – даже если считать румынов одним клиентом, – осуществлять два инструктажа и организовывать отправку – это чересчур?

– За напряженный график нам и платят, – Ирочка плавно повела рукой в воздухе, как бы отмечая проблему. – По крайней мере, мы не возимся с мусором.

– Да, наша работа творческая, – хмыкнул Павел. – Но, честно говоря, мне бы больше хотелось взглянуть на мир хозяев корпорации. На будущее. Пусть даже там и пришлось бы красить стены и собирать полиэтиленовые пакеты на пляже.

– Для того, чтобы отправиться в будущее, ты слишком умный, – ласково улыбнулась девушка. – Как дипломированный целеуказатель говорю. Не тянешь ты на рекрута. Слишком самостоятельный. Равновесие нарушишь.

– Ты сейчас сделала мне комплимент?

– Нет, сказала правду. Каждому свое. Своя работа, свое время, свои ценности. Мы тоже имеем немало, не так ли?

– Так. Корпорация заботится о нас. А работаем мы, как и все, за еду и развлечения. Полет к Юпитеру – хорошее развлечение.

– Точно, – многообещающе улыбнулась Ирочка.

Александр Щёголев

Чего-то не хватает

Драма мечты

Киностудия имени Горького, съёмочный павильон.

Обстановка творческая. Беспорядочно лежат кабели, штативы, стройматериалы, у стены куча мусора, издалека доносятся ругань и смех. В центре павильона – декорация: две стоящие под прямым углом панели, оклеенные обоями в горошек, в пространстве которых установлен платяной шкаф, сервант, тумбочка и кровать. Над кроватью – бра. В одну из панелей, изображающих стену, врезана дверь.

В тележке с кинокамерой, громко храпя, спит оператор.

Обычный рабочий день.

Уютное, красивое, цветное прошлое.

– ...Уж и не знаю, каким ветром его к товарищу Сулову, к Михал Андреичу нашему, занесло, но со страху ему так живот припёрло, что прямо из кабинета он поскакал к унитазу. Взгромоздился, а в руках ничего кроме своего же сценария нету. Первый экземпляр с резолюциями...

Это в павильон вошли режиссёр-постановщик и помощник режиссёра.

– Угадай, какую страницу наш драматург рискнул попользовать? Ни за что не поверишь. Ни-ка-ку-ю!

Гулко хохочут.

Режиссёр – высокий осанистый мужчина с роскошной шевелюрой и печатью большого таланта на лице. Породу не спрячешь – перед нами настоящий творец. Возраста неопределённого: с одинаковым успехом дашь и тридцатник, и сороковник. Он по-хозяйски озирает павильон. Замечает спящего оператора и прекращает веселье.

– Эт-то что такое?!

– Митя вчера в «Метрополе» был, – спешит с объяснениями помощник. – Перебрал там вместе со всеми. Шофёр его на студию привёз, чтоб утром с гарантией был на работе.

– Так. А что у нас в «Метрополе»?

– Барчук «Героя соцтруда» отмечал.

– Барчук – дурак и бездарность! Я бы такому и случку свиной не доверил снимать, а ЦК ему, вишь ли, цапки вешает...

Входят сценарист и директор киностудии.

– В чём там ЦК провинился? – уточняет сценарист как бы невинно, однако достаточно громко, чтобы в коридоре было слышно.

Режиссёр мгновенно подбирается:

– На провокационные вопросы не отвечаю.

Помреж между тем разбудил оператора. Тот мало напоминает человека. Из тележки выползает на четвереньках. Со стоном встаёт на ноги и сообщает бледным голосом:

– Пойду, умоюсь...

– Какими ветрами, коллеги? – спрашивает режиссёр.

– Вот, зашли проведать нашего мученика, – разводит руками директор киностудии.

Сценарист светски улыбается:

– Сегодня мой лучший эпизод. Очень интересно, как вы его сделаете.

– Почему-то когда я мучился с заседанием профгруппы, – говорит режиссёр жёлчно, – ни у кого не возникло потребности меня проведать. Зато на обнажёнку слетелись, как... – дипломатично замолкает, оставив метафору при себе.

– Мне не до шуток, – темнеет директор. – Наверху сильно нервничают по поводу сроков сдачи картины. Зная твою требовательность к себе, я опасуюсь, как бы нам всем не влипнуть.

– Ай-ай-ай! – Режиссёр притворно ужасается. – Как же я мог забыть, что ты – куратор фильма? Не бойсь, ЭТУ порнуху я сдам вовремя.

– Я полагал, нам с вами доверили не «порнуху», а важнейший заказ партии и правительства, – роняет сценарист.

– Тихо, Эдик, не заводись, – говорит директор.

– Да что – не заводись, когда всякие тут...

Сценарист – маленький, лысоватый, с брюшком. Однако под непритязательной внешностью не скроешь горячее сердце.

Режиссёр панибратски обнимает обоих за плечи:

– Мужики, что вы растрескались?! «Сроки сдачи», «важнейший заказ»... Пришли поглазеть на горяченькое, так не порите чушь. (Смеётся.) Только поднимитесь на балкончик, чтоб щёчки из-за вас не краснели и не бледнели.

Сценарист гадливо высвобождается из объятий.

– Вы о ком?

– Щёчки – это ягодицы, – торопливо объясняет ему директор студии. – Киношный сленг. Это он про актёров, Эдик. Пошли, пошли, пошли...

– Нет, не к осветителю, – показывает режиссёр. – Поднимайтесь повыше.

Директор студии утаскивает сценариста наверх. Тот с отвращением ворчит: «Щёчки у него... ещё сказал бы – губки... и носик...» Режиссёр, мгновенно забыв о гостях, поворачивается к помрежу:

– Как там наши звёзды экрана?

– По конурам, готовятся.

– Кордебалет?

– Перекуривает на лестнице.

– Ладно... – Осматривает декорацию. – Ну и халтура. Гнать бы художника, так ведь спит с женой секретаря парткома. А может, секретарь парткома спит с его женой...

Возвращается оператор. Лицо мокрое и мрачное. Молча машет рукой, идёт к камерам.

– Не пей с Барчуком, Митя. Нечестно. Пьёшь с ним, а плёнку портишь мне.

– Тележку кто возит? – сипло спрашивает Митя.

– Будешь работать с рук. Руки-то не дрожат?

Входит актёр, играющий главного героя. Русоволосый, голубоглазый, ростом с режиссёра. На нём брезентовые штаны, свитер с оттянутым воротником, из-под которого торчит клетчатая рубашка. Плюс сапоги. А также – неременная трёхдневная щетина. Какой же герой без трёхдневной щетины?

– Привет всем! Где наша девочка?

– Пах бреет, – бормочет сквозь зубы оператор Митя.

– Серж, ты готов?

– Я – как пионер. Трезв, сыт и хочу бабу. (Зевает.) Как вам мой маскарад?

– Похож на ханыгу у винного, – констатирует оператор.

– Заткнись, кинолюбитель! – срывается помреж. – Давно в окуляры не получал?

– Ребятки, не ссорьтесь. Что говорит консультант?

– Консультант говорит, что настоящие геологи выглядят так, – ставит точку помреж.

– Ну и нормальненько...

Входит актриса, играющая главную героиню. Одета по-домашнему: прозрачный пеньюар, под которым видна атласная ночная рубашка. Чарующие ножки упрятаны в чулки. На голове – грандиозные кудряшки, залитые для прочности лаком «Прелесть».

С первого взгляда ясно – перед нами современная советская женщина.

Актриса делает танцевальное па, всплеснув пеньюаром:

– Годится?

Режиссёр подбегает к ней, целует в щёку.

– Ларочка, солнышко, ты обольстительна! Зрители испачкают сиденья!

Она победно улыбается. Режиссёр обнимает её за талию, ведёт к декорации. Шепчет:

– Спиралька на месте? Умница. Ты у меня профи, не зря ГИТИС кончала... (Хлопает в ладоши.) Внимание! Репетируем встречу после разлуки! Прошу всех выбросить из головы чушь, собраться и помочь мне в нашем общем деле!

Актриса подходит к актёру:

– Привет вашему маленькому другу. Он нас сегодня не подведёт?

– Маленький?! Да уж побольше, чем у твоего хряка, – кивает тот на режиссёра.

– Ешьте петрушку, Серж. Помогает, у кого по мужской части проблемы.

– Проблемы – это когда гонокк погулять вышел. Кстати, давно проверялась?

– Не ваше дело. Ваше дело простое – отпыхтел, получил деньги...

– Эй, голубки, текст выучили? – окликает их режиссёр.

Хищные оскалы разом превращаются в улыбки.

– Какой там текст? Сопли.

– Серж, не обижайте нашего гения, – притворно сердится актриса. – Говорят, страдает над каждым словом, онанирует над портретом Чехова...

– Медвежьей болезнью он страдает. Штаны до сих пор постирать боится, интеллигент.

1

¹ Сценарист на балкончике пылает: «Дураки... Провокаторы... Сгною...» Директор киностудии придерживает его за плечо: «Эдуард, хочешь лучше выпить?» Очаг возгорания погашен. «Дармоеды... Ненавижу... Что там у тебя, коньяк?...»

Смена декораций. На балкончике

Сценарист и директор киностудии еле слышно разговаривают, поочередно отхлёбывая из плоской бутылки с этикеткой «Двин» и бросая долгие взгляды на съёмочную площадку.

СЦЕНАРИСТ: Наверху правда нервничают?

ДИРЕКТОР: Не то слово. При всём моём глубочайшем уважении к нашему руководству, кое-кто, мне показалось... (*Заканчивает уже шёпотом.*)... на грани паники.

СЦЕНАРИСТ: Поступили новости?

ДИРЕКТОР: Да уж поступили, Эдик, поступили.

СЦЕНАРИСТ: То-то, я чувствую, напряжение сгустилось... Чёрт. Я тебя, конечно, не спрашиваю...

ДИРЕКТОР: А нет тут особого секрета. Не сегодня-завтра и тебя введут в курс дела. Ты знаешь, что эксперименты в Дубне повторили в Киеве у Глушкова и в Арзамасе-16?

СЦЕНАРИСТ: (*осторожно*). Слышал. Без подробностей.

ДИРЕКТОР: Я тебе скажу. Из Киева доложили, что смогли посмотреть ещё дальше, чем дубновские. Украину принимают в НАТО, а Российской Федерации в приёме отказано.

СЦЕНАРИСТ: И какова наша реакция?

ДИРЕКТОР: (*с горечью*). А что – реакция? Варшавский договор, по всей видимости, распался. Американцы ставят базы по всем нашим границам, «оборонка» погибла. В стране – сплошная растащилка. Наши учёные работают на американский военпром...

СЦЕНАРИСТ: Да уж, читал я про это. Не могу поверить...

ДИРЕКТОР: А вторая новость – вот. В Арзамасе-16 вытащили совершенно безумный экстраполят. В Ленинграде установлен памятник Сахарову, и не где-нибудь, а на площади имени Сахарова. Но это цветочки. В Москве перед зданием КГБ скovyрнули памятник Дзержинскому и на этом месте увековечили... Ты думаешь, кого? Солженицына!

СЦЕНАРИСТ: (*выдыхает*). Врёшь!

ДИРЕКТОР: Гадом буду!

СЦЕНАРИСТ: (*потерянно*). Беда, беда...

Долго молчат. Трагическая пауза ничем не нарушается.

ДИРЕКТОР: (*сам себе*). Да и Ленинграда никакого, говорят, там у нас больше нет...

СЦЕНАРИСТ: Что, шведы обратно оттяпали?

Снизу доносится голос режиссёра: «Поехали!»

Съёмочная площадка

Актёр закидывает за плечи рюкзак, из которого торчит геологический молоток, вместе с актрисой они становятся с тыльной стороны декорации – перед фальшивой дверью. Кряхтя, он поднимает партнёршу на руки, переступает порог, роняет ношу на постель. Лица обоих светятся нежностью. Она шепчет: «Милый! Милый!» Он опускается перед ней на колени.

На тумбочке лежат книги, придавая эпизоду вес. Малый читательский набор: «Как закалялась сталь», «Целина» и томик Тургенева.

ОНА: *(включает бра)*. Любовь моя, о, наконец мы одни!

ОН: Каждую минуту, каждую секунду своей суровой жизни в тайге я думал о нашей встрече и ждал её!

ОНА: Когда ты сегодня позвонил мне на фабрику, я чуть с ума не сошла от радости. Даже до конца профгруппы не высидела! Ой, что будет, выговор влепят...

ОН: А знаешь, какая в тайге красотища? Воздух чист, как слеза, вода прозрачна, как воздух. Кедровыми шишками тебя одаривают, птицы и звери с тобой здороваются...

ОНА: Я хочу в тайгу, увези меня с собой.

ОН: Жизнь моя, теперь мы всегда будем вместе.

Целуются, умело изображая страсть.

– Стоп! – командует режиссёр. – Спасибо, нормальненько. Не космический полёт, конечно, не взрыв сверхновой... Разве что – подработать реплики...

– Зачем – реплики? – живо удивляется актёр. – Например, у Герасимца метод – импровизация, полное доверие исполнителям.

Режиссёр мгновенно воспламеняется:

– Твой Герасимец – дряхлый пень, самодур и бездарность! Снял полтора идейно правильных фильма – и классик, видите ли!.. (Несколько секунд тяжело дышит.) Ты мне лучше вот что скажи, умник. Куда ты всё время смотрел? Куда угодно, только не на свою возлюбленную.

Актёр мнётся, криво улыбаясь. Медлит с ответом.

– Давай, давай, не тушуйся.

– На «Зосю» смотрел.

– На кого? – Режиссёр в недоумении оглядывает помещение.

– Да вон, «стеночка», – показывает герой на декорацию, вернее, на шкаф и на сервант возле кровати. – Польская «Зося». Скоро себе такую же покупаю. Очередь подошла, деньги нужны. Прости, из головы не выходит.

– Бред. С кем работаю...

– Бред? – злится актёр. – Ты при студии отовариваешься – без очереди, без записи и без наценки, а нам Союз выделяет – шиш без масла! Кому бред, кому – геморрой!

– Тоже мне, оправдание нашёл.

– Никита, а нельзя, чтобы он побрился? – встревает актриса.

– Кто?

– Да этот твой «заслуженный и без пяти минут народный», – мажет она пятернёй по щеке партнёра. – Тёрка, а не герой-любовник! Кожу с меня живьём сдирает.

Актёр хочет что-то гневно возразить, но режиссёр закрывает ему рот рукой.

– Экие вы оба тонкие. Ларочка, ты ж и не такое терпела. Зимняя прорубь, полуденный песок в Гоби... подумаешь, лёгкая щетинка. Представь симпатичного ёжика из мультика... (Внезапно суровеет.) Кстати, к тебе тоже вопрос. Что ты там всё время рукой делала? Под ночнушкой зачем-то шарила... Признаться, это странно выглядит.

Она агрессивно подбочивается.

– К твоему сведению, капроновые чулки надо периодически подтягивать. Чтобы гармошек на коленках не было. Или чтобы винтом не пошли.

– Почему по размеру не подобрала? Чем вы там с костюмером занимались?

– НЕ ПО РАЗМЕРУ?! – Яростным рывком она задирает подол. – Полюбуйся, как это устроено, если раньше не видел!

Устроено самым обычным образом: чулки крепятся к поясу на резинках. Все детали пригнаны друг к другу, как в хорошо отлаженном механизме.

– Как ни старайся, мой милый, чулок не ляжет по ноге, это тебе не кожа! А если кому-то представляется по-другому, он либо мальчишка, либо дурак!

– Развевалась... Перед объективами только не поправляй больше ничего, хорошо? Зрителю совсем не коленки твои интересны... (Хлопает в ладоши.) Внимание, нулевая готовность!

Звукооператор спускает к кровати микрофон на длинной палке со шнуром. Оператор нехотя вылезает из тележки, на плече у него громоздится неопрятного вида агрегат.

– А стационарные?

– Вот, вот и вот. – Оператор показывает на камеры. – Точки я со вчерашнего не менял – в отсутствие постановочных распоряжений.

– Где кордебалет?! – внезапно вспоминает режиссёр и начинает безумно озираться. – Убить меня хотите?!

Помреж высовывает голову из павильона.

– Девчата, ау!

Вплывают три русалки в блёстках, покачивая хвостами из перьев. Кроме блёсток и хвостов иной одежды на них нет. Пожилая постановщица танцев сопровождает это трио. Объяснять им задачу не нужно: всю неделю плотно репетировали.

– Свет!

Вспыхивают юпитеры, раскалёнными лучами впившись в декорацию.

Режиссёр заметно волнуется:

– Ларочка, Серёженька, ребятки! Я хочу увидеть настоящее чувство. Покажите, что возвышенная страсть присуща нашему человеку не только за станком или кульманом.

СЦЕНАРИСТ: (*презрительно фыркнув*). Идеалист хренов!

ДИРЕКТОР: Эдичка, оставь и мне сколько-нибудь.

Сценарист возвращает товарищу бутылку, затем достаёт из бокового кармана пиджака театральный бинокль. Величавым жестом прикладывает оптику к глазам – и застывает. Директор потрясённо смотрит на сценариста с его биноклем и бормочет: «Чёрт, не догадался...»

– Мотор!

Мотор!

В точности повторяется отрепетированная сцена. Оператор следит объективом за перемещениями актёров. Камеры громко стрекочут. Сценарист свободной рукой вытаскивает из кармана большое яблоко и сочно откусывает, не отрываясь от действия. Директор киностудии с завистью смотрит на яблоко. Режиссёр ободряюще приговаривает: «Так... Так... Митя, книги крупно!»

Книги, лежащие на тумбочке, даются крупно.

Разделавшись с текстом, актёры начинают бурно целоваться. Противиться здоровому инстинкту больше нет причин, поэтому житель тайги наконец срывает с себя свитер и клетчатую рубашку, обнажая волосатое, смуглое от кварцевых ванн тело. Героиня вскакивает и освобождается от пеньюара. Нетерпеливые мужские руки стаскивают с неё ночную рубашку.

РЕЖИССЁР: Медленнее! Куда спешим?

Героиня остаётся в нижнем белье. Лифчик, трусы, пояс с чулками, – всё лимонного цвета. Бельё обильно украшено оборочками, фистончиками, атласными ленточками. Издалека – очень красиво. Вблизи... Из бюстгальтера вылез предательский ус, впивается актрисе в тело. Она мужественно терпит.

Герой выпрыгивает из брюк, придерживая большие семейные трусы. Сатиновые, ясное дело, однако не синие, как у всех, а в желтую полоску. Это очень современно, даже вызывающе.

Возлюбленные снова на кровати. Женщина лежит неподвижно – глаза томно прикрыты, руки раскинуты. Герой эффектно освобождает её от лифчика (она издаёт стон, исполненный искреннего облегчения) и метает снаряд в сторону кинокамеры. Оседлав героиню верхом, начинает жадно целовать её грудь. Часто дыша от наслаждения, она выгибается поцелуям навстречу.

Грудь у выпускницы Театрального большая, крепкая, киногоеничная.

РЕЖИССЁР: Портки!

В оператора последовательно летят лишние детали туалета: трусы мужские, трусы дамские. Оператор мягко двигается вокруг кровати, с разных ракурсов фиксируя эту сцену. Тела актёров молоды и красивы, они блестят в свете юпитеров, они полны присущей нашему человеку возвышенной страсти.

РЕЖИССЁР: *(недовольно)*. Стоп, стоп, стоп! Серж, в чём дело?

Актёры прекращают играть, садятся на кровати. Помреж бросает им халаты...

Съёмочная площадка

– Да я, Никита... – виновато произносит актёр. – Не знаю, что и сказать...

– Убрать свет! – распоряжается режиссёр. – Ты что, не в форме?

– Вчера жена из отпуска вернулась. Я ведь не машина.

Режиссёр быстро накаляется:

– Ты артист! Причём, как тут уже вспоминали, носящий почётное звание заслуженного!

Серж бросает взгляд на партнёршу.

– Ведьма чёртова, сбила меня с настрое... со своей петрушкой...

²

– Какая такая «петрушка»?! – кипит режиссёр. – И почему опять глазами стрелял?! Про «Зосю» свою не можешь забыть?!

– Про «Зосю» тоже! – внезапно кричит актёр. – И про квартиру кооперативную! Вечером перекличка, из театра надо отпрашиваться. Тебе бы мои заботы, Никита!

– А тебе бы – мои. Квартира, Сергуня, это далеко и долго, зато обделаемся мы все здесь и сейчас... (Поворачивается к оператору.) Митя, как у тебя?

– Бездарно, поэтому отлично.

– Не фиглярствуй! Что было в кадре?

– В основном она, его я брал со спины.

– Ну, с Ларочкой пока нет проблем, от неё у зрителей, что положено, встанет по стойке «смирно»... – Режиссёр успокаивается. – Лара, я же тебя просил. Опять занимаешься чулками?

Теперь взвизгивает уже актриса:

– А я предупреждала! Если б костюмы привезли, например, из Италии, а не заказывали в ателье при мюзик-холле...

– Боже, о чём вы все думаете во время съёмок?! – всплескивает руками режиссёр.

– Да! Да! Женщина, выходя на подиум, думает не о том, как она будет изображать с мужчиной любовную сцену, а о том, всё ли у неё в порядке с туалетом! Открою тебе тайну – это нормально!

– Ладно, ладно, нормально. Потом подредактируем... Я хотел с тобой о другом. – Режиссёр отводит актрису подальше от чужих ушей. – Солнышко, сделай этому импотенту массажик. Какой-то он сегодня...

– Хорошо, Никитушка. Сделаю от души, как тебе.

– Нет уж, постарайся! «Как мне»...

Он озабоченно смотрит на часы.

² СЦЕНАРИСТ: (*чуть слышно*). Почему заминка? ДИРЕКТОР СТУДИИ: У главного героя нет эрекции. Бывает. Дашь бинокль на минутку?

На балкончике

ДИРЕКТОР: Что там у тебя за история с Суловым?

СЦЕНАРИСТ: Ох, Филя, задолбали уже... Не с Суловым, а с Юрием Владимировичем. Шеф пригласил меня давеча в Кремль – чаю попить, поболтать о том о сём.

ДИРЕКТОР: По делу или...

СЦЕНАРИСТ: Никаких «или». В качестве двоюродного племянника я у Андропова не бываю. Только как секретарь Союза писателей. Назрели оргвопросы, нужно было обсудить.

ДИРЕКТОР: Юрий Владимирович – очень строгий, очень правильный человек, настоящий коммунист. Мало таких людей.

СЦЕНАРИСТ: Передам твоё мнение при случае. Так вот, приносят с курьером пакет от Александрова – лично в руки Ю-Вэ. Расшифровали новую порцию дубновского экстраполята, согласно которой в кресло Председателя КГБ будут сажать... угадай, каким образом?

ДИРЕКТОР: (*севшим голосом*). Через всенародные выборы?

СЦЕНАРИСТ: Не совсем. Хотя разница небольшая. Кандидатуру главного чекиста согласуют с директором ЦРУ, и только если американцы дали «добро»... вот такая перспектива. Даже привычного ко всему Юрия Владимировича проняло. Не захотел пользоваться «вертушкой». Уж не знаю и не хочу знать, почему. И адъютанта своего подключать не стал. Под рукой был я, меня он и послал с этим пакетом к Сулову, да попросил бегом... «Пулю» про туалет уже потом пустили. Чтоб никакая сволочь не посмела удивиться, какого рожна секретарь Союза писателей скачет галопом по кремлёвским коридорам.

ДИРЕКТОР: Да, дела... (*Вдруг пугается*.) Зачем ты мне это рассказал?

СЦЕНАРИСТ: Во-первых, ты никому не растреплешь, во-вторых, тебе никто не поверит. Я и сам-то поверил только потому, что в кабинете Андропова случайно оказался.

ДИРЕКТОР: Теперь понятно, почему Михаил Андреевич в такой спешке решил подключить к проекту режиссёров из стран народной демократии.

СЦЕНАРИСТ: И кого?

ДИРЕКТОР: Лучших. Вайда, Гофман, Кислевский... да всех. Между прочим, товарищи из братских стран восприняли задание партии с большим энтузиазмом.

СЦЕНАРИСТ: Это обнадеживает. Но пасаран!

Символически вскидывает сжатую в кулак руку. В кулаке – огрызок от яблока.

Мотор!

Актриса возвращается к кровати, садится рядом с актёром. Долго и странно смотрит ему в глаза.

ОНА: Сергей Сергеич, зачем меня обижать? Разве я ведьма?

Её рука забирается партнёру под халат, производит там некие манипуляции. Тот молчит и слегка подрагивает, замороженный.

ОНА: Любовь моя к вам порочна и безнадежна... душа моя мечется и рвётся из сетей... оттого и больно – вам, мне, всем... возьмите же взбалмошную дикарку, она давно ваша...

Мужчина и женщина сплетаются взглядами, словно беседуя мысленно о чём-то тайном, одним им ведомом.

ОН: *(вдруг крикшит, разрушая идиллию)*. Я готов!

РЕЖИССЁР: *(мгновенно)*. Звук, свет – быстро!!!

Вспыхивают юпитеры. Герои фильма сбрасывают халаты.

РЕЖИССЁР: Ну, ребята... Мотор!

Слетает на пол покрывало, обнажается постель – розовая-розовая, вся в пене кружев и бантов. Сорвано одеяло. Загорелые тела отлично гармонируют с цветом простыни, но особенно впечатляют незагорелые участки человеческой плоти; в этом контрасте – настоящее эстетическое пиршество... Любовные игры доводят градус эпизода до максимально возможных значений. Это плазма. После долгой разлуки влюблённые буквально сгорают в нетерпении.

Павильон взрывается музыкой: пошла подтанцовка.

Девушки в перьях располагаются, как задумано балетмейстером – одна в изголовье кровати, другая в ногах. Третья (солистка) свободно перемещается в пространстве декорации. Их движения синхронны, выверены, экспрессивны.

Героиня поворачивается набок – к партнёру спиной, – сгибает ногу в колене, открываясь объективу во всех анатомических подробностях. (Заодно прячет от кинокамеры дырочку на пятке и ползущую от неё «стрелку».) Впрочем, прелестная картинка недолго радует зрителя: герой, хозяйски просунув ладонь, прикрывает её. Ладонь, как котёнок, – ластится, живёт собственной жизнью. «О, милый...» – беззвучно шевелятся губы героини. Тогда герой убирает руку, прекратив пытку, чтобы тут же ввести в композицию новый элемент. Секундное усилие – и скептикам продемонстрировано, насколько убедительна у него эрекция! Героиня охает, с наслаждением принимая удар. Она шепчет, шепчет что-то неразборчиво нежное... Оператор деловито перемещается вокруг, агрегат на его плече мерно стрекочет.

РЕЖИССЁР: Митя, крупно!

Розовая, распахнутая настежь композиция пульсирует, дышит, ждёт. В цвете, на плёнке шосткинского химкомбината «Свема» это будет смотреться просто гениально. Герой начинает размеренно двигать тазом, подстраиваясь под музыку; его руки неистово мнут выпяченные напоказ груди. Чмок, чмок, чмок – вот настоящая музыка любви, а вовсе не та, что сотрясает динамики.

Ритм эпизода задан.

Танцовщицы по-своему повторяют и размножают всё, что происходит в постели. Шаманские пляски...

Героиня покоряется общему танцу: всем туловищем ловит движения партнёра, впитывает их неудержимую мощь. Глаза её закрыты, на лице блаженство, – в точном соответствии с художественным замыслом.

РЕЖИССЁР: Больше чувства! Дайте мне чувство!

Актёр даёт чувство, стремительными толчками пронзая пространство кадра.

СЦЕНАРИСТ: (*вцепившись в поручни пальцами свободной руки*). Моя лучшая сцена...
Вершина... Разговор с вечностью...

ДИРЕКТОР СТУДИИ: (*умоляющим шёпотом*). Эдичка, дай бинокль! Хоть на минуту!
Козёл очкастый, что ж ты за жмот?..

Героиня, издав хриплый вопль, бьётся в объятиях главного героя. Глаза закатились, пальцы царапают простыню, ноги беспорядочно сгибаются и разгибаются.

Плясуньи возле кровати выдают сумасшедшие батманы. Солистка в гуттаперчевом экстазе извивается на полу, показывая высший класс акробатики.

РЕЖИССЁР: Давай финал, Сергуня!

Актёр взвинчивает темп. Но его отточенная техника быстро превращается в хаос. Выплеснув завершающую порцию стонов, он вянет, замирает, виснет на актрисе. Композиция распадается. Оба лежат, устало лаская друг друга.

ОНА: В тайгу... В тайгу...

РЕЖИССЁР: Стоп, снято.

На балкончике

Два зрителя, облеченные доверием партии, молча потягиваются, разминают кисти рук, хрустят суставами. На их лицах – чувство глубокого удовлетворения.

СЦЕНАРИСТ: (*разнеженно*). Ты мне что-то говорил? Прости, я отвлеклся.

ДИРЕКТОР: Ничего особенного. Хотел предупредить, да как-то к слову не пришлось...

СЦЕНАРИСТ: О чём?

ДИРЕКТОР: (*мстительно*). Чтоб ты в руках себя держал, в азарт не входил.

СЦЕНАРИСТ: Я всегда держу себя в руках.

ДИРЕКТОР: Вот и хорошо... Взгляни на противоположную стену. Осторожно, как бы невзначай. Осветителя видишь? Теперь метра на два выше, под потолком... Только пальцем не показывай.

СЦЕНАРИСТ: Дырка. И чего? Вентиляционное отверстие, надо полагать.

ДИРЕКТОР: Не дырка, а тайное окошко. Да не пялься туда, мало ли что!.. Видел – шторкой прикрыто? Говорят, к нам сюда наведываются и наблюдают за процессом.

СЦЕНАРИСТ: (*пугливо*). Кто?

ДИРЕКТОР: Ты что, дурак?

СЦЕНАРИСТ: Неужели...

ДИРЕКТОР: (*пожимает плечами*). Есть такая легенда. Хотя... Кто знает, легенда ли? Известный кинолюб... и женолюб... вкушает плоды искусства...

СЦЕНАРИСТ: Это шутка? Ты шутишь?

ДИРЕКТОР: Я, Эдик, вроде бы главный в здешних лабиринтах, меня боятся. Я, по идее, должен всё здесь контролировать. Но это видимость, хоть и работаю на того же хозяина, что и ты. Мой уровень – не выше балкончика, где мы стоим. Так что я давно не понимаю, где кончаются шутки и начинаются специальные мероприятия.

СЦЕНАРИСТ: Тихо! По-моему, она... колыхнулась.

ДИРЕКТОР: Кто?

СЦЕНАРИСТ: Шторка...

Тёмные полосы материи, закрывающие отверстие под потолком, и вправду колыхнулись – раз, другой...

На балкончике – немая сцена.

Съёмочная площадка

Юпитеры погасли, музыка заткнулась. Аппаратура перестала шуметь. Актёры, сидя на кровати, вяло перебирают собранную для них одежду.

– Ну и балет, – говорит актёр, набрасывая на себя клетчатую рубашку.

Актриса встаёт, разглаживая помятое лицо.

– Скотина. От «щетки» вашей у меня ожог.

– Согласно сценарию, – парирует он... и вдруг гогочет, показывая пальцем.

И впрямь смешно. Чулки на коленях у героини вытянулись пузырями, как, извините, тренировочные штаны у мужиков. Вспыхнув, актриса поспешно влезает в ночнушку и в пеньюар.

– Урод, бездарь. Будьте вы прокляты. Импотент, рухлядь...

Поправив причёску, она уходит за стеночку, – с гордо поднятой головой.

Кстати, причёска-то, в отличие от сценического костюма, с честью выдержала испытание. Великолепные букли остались нетронутыми, разве что подвинулись чуть, как парик. Всё-таки лак «Прелесть» – хороший лак. Прочный, почти железный...

В декорацию медленно вступает режиссёр. Он задумчив.

– Недурственно, голубки мои. Сделаем ещё дубль, и хватит.

– Как! Ещё дубль?! – Актёр вскакивает, забыв про трусы в руках; стоит в одной рубашке.

Режиссёр мрачнеет.

– Такое чувство, будто в сцене чего-то не хватает. Признаюсь, я шёл утром в павильон с тяжёлым сердцем. И ночью плохо спал, думал... Смотрел вот сейчас на вас, пытался проникнуться чувственной красотой, вами изображаемой, ставил себя на место зрителя... нет, не берёт.

– Вероятно, дело в исполнителях? – произносит актёр с опасным спокойствием. – Исполнители не соответствуют уровню режиссуры?

– Вы с Ларой – это вулкан, к вам – никаких претензий... Сделаем перерыв часа на два, я обдумую ситуацию. И повторим.

– Да ты что! – ужасается актёр. – Я целиком выложился!

– Ну, три часа. Восстановишься.

– Чего тебе ещё не хватает? В объектив брызнуть?

– Кстати, свежая идея, – соглашается режиссёр. Складывает пальцы кадриком; прищурившись, смотрит сквозь эту конструкцию, что-то прикидывая в уме. – А попробуем.

– Вот тебе!!! – Актёр сопровождает выкрик неприличным жестом. – Дублёра бери! Каскадёра!

– Сергей, прекрати истерику! – кричит в ответ режиссёр. – Будет столько дублей, сколько я скажу! Или ничего не будет – ни кина, ни премии, ни твоего заслуженного звания!

Бунт подавлен. Шваркнув трусами оземь, актёр плюхается обратно на кровать... Режиссёр объявляет – всем:

– Благодарю за службу, товарищи! Встречаемся через три часа.

Подлетает актриса – уже полностью одетая (брючный костюм, сумочка, шляпка).

– Никитушка, я в буфет, хорошо? Тебя не жду. Говорят, там сосиски дают. Ещё мне Галя обещала палочку копчёной колбасы оставить... (Торопливо стирает грим, глядясь в зеркальце.) Муж возвращается с природы, а кормить его нечем, стыд и срам...

Изящно махнув на прощание рукой, исчезает.

Помещение быстро пустеет – все прочие персонажи тоже расходятся. С балкончика спускаются высокие гости.

ДИРЕКТОР СТУДИИ: Хватит с меня, я старый человек... Но Ларочка – просто чудо! Будь помоложе, снял бы штаны и полез под софиты.

РЕЖИССЁР: Лично тренировал. А то оставайся, дублёром будешь. Морду оставим за кадром, чтоб девки на улицах на шею не вешались... (*Долго, бесконечно долго смеётся. Смех превращается в икоту. Отвернувшись от собеседников, режиссёр вытирает слёзы.*) До чего же хреново мне, братцы, если б кто знал...

СЦЕНАРИСТ: Что-то случилось?

РЕЖИССЁР: (*тоскливо*). Смыть бы плёнку. Так ведь не позволят, вот он первый и не позволит. (*Показывает на директора киностудии.*) Ну что, каков приговор, братцы?

СЦЕНАРИСТ: В каком смысле?

РЕЖИССЁР: Да вы там всю дорогу что-то обсуждали. Как ни взгляну на них – разговоры ведут.

ДИРЕКТОР: (*начиная волноваться*). Никита, что с тобой? Твоя работа – эталон вкуса, высочайший профессиональный уровень. Уверяю тебя, никаких приговоров, выговоров... тем паче – разговоров.

РЕЖИССЁР: Я творец, как бы громко это ни звучало. Кино я делаю, потому что не могу иначе. Тысячу раз тебе объяснял. В творчестве нельзя идти на сделку со своими принципами, как вы все не можете этого понять! Я уверен – без правды нет искусства. Но, с другой стороны, когда правды слишком много, когда блевать от неё начинаешь, искусство краснеет, бледнеет и прячется под лавки. Вместо космоса – пустота. А ведь вы именно этим заставляете меня заниматься, сволочи... Короче, я понял, чего мне не хватает. Уважения к самому себе, которого больше нет... (*Неожиданно кричит.*) Его нет, товарищи!

ДИРЕКТОР: Никита, Никита...

РЕЖИССЁР: Я отказываюсь. Я больше не снимаю эту порнуху. (*Специально для сценариста, развернувшись к нему.*) ПОР-НУ-ХУ!

СЦЕНАРИСТ: Очень интересно. Особенно про ваши принципы.

РЕЖИССЁР: (*продолжает кричать*). Мне тридцать пять! Я не снял ни про броненосец «Потёмкин», ни про крейсер «Очаков»! Меня не было на съёмочной площадке «Гамлета» или «Вишнёвого сада»! Чехов с укоризной смотрит на меня с книжной полки, даже Дюрренматт тихо посмеивается! А я по вашей милости чем занимаюсь? Мне тридцать пять лет, сволочи... Тридцать пять... (*Садится – прямо на бетонный пол. Закрывает лицо руками.*) Тридцать пять... Тридцать пять лет...

СЦЕНАРИСТ: (*лениво закуривает*). Позвольте с вами не согласиться, Никита Сергеевич. Творчество, наоборот, есть умение обмануть побольше народу, включая самого себя. А искусство – когда за это ещё и деньги платят. Извините за грубость, но... (*Задумчиво пускает вверх струю дыма.*) Как хорошая блядь обязана быть актрисой, так и хорошая актриса непременно, непременно должна быть блядью.

ДИРЕКТОР: Эдуард, шёл бы ты... Не видишь, человеку плохо.

Режиссёр рывком встаёт, делает шаг в направлении сценариста – и... бьёт его по лицу.

Поросычье тело на тонких ножках отброшено. Споткнувшись, Эдуард падает. Всё это громко, неловко и нелепо. Сигарета и очки куда-то улетают.

– Интересно, себя-то ты к кому причисляешь, к актрисам или к... – выщеживает режиссёр.

Поверженный вскакивает – весь в белом. Брюки и пиджак его испачканы бетонной пылью. Он суётся во внутренний карман, словно за пистолетом, однако находит лишь театральный бинокль; и тогда он швыряет этот подвернувшийся под руку снаряд в противника. Попадает в директора киностудии.

Тот ломается в поясе, хватаясь за пах. Бинокль – штука весомая, металл и чуть-чуть стекла.

С нездоровым звяканьем прибор рикошетит на пол, из окуляров высыпаются осколки линз.

– Мужики! – сипит директор. – Не сходите с ума! (Он крутится волчком, мелко подпрыгивая и зажав руки между ногами. Клянчил, выпрашивал заветную игрушку – и вот получил...) Никита! Эдик не сказал тебе ничего обидного!

– Пусть говорит, что хочет. Я всё равно отказываюсь работать.

Сценарист с молчаливой злобой отряхивается. Затем уходит в глубь павильона – в поисках очков. Директор, продышавшись, с искренней обидой произносит:

– Отказываешься? Ну и дурак. В проекте участвуют крупнейшие мастера: Барчук, Рязанцев, Герасимец, Матвеев, Кусков с Краснодарским. Быть в их компании – большая честь.

И вновь режиссёр теряет самообладание:

– Твой Рязанцев – нарцист, подлиза и дешёвка! И ещё бездарность, конечно! Прирождённая бездарность!

Возвращается сценарист. Очки торчат из нагрудного кармана, бледное лицо подёргивается. Руки наполеоновским жестом скрещены на груди. Подходит вплотную к режиссёру, смотрит снизу вверх. Тот распрямляет спину, упирает руки в боки и вдруг улыбается. Ну, ударь меня, ударь, словно приглашает он, я всем сердцем мечтаю об этом...

– Вы жалок, – говорит сценарист. – Я верну вам пощёчину... позже. А пока – *ТАМ* с большим энтузиазмом воспримут ваш демарш. – Указывает пальцем на потолок.

С достоинством удаляется.

– Зачем было бить? – ворчит директор.

– Давно хотелось.

– Ты же знаешь, за его спиной – такая свора.

– За моей спиной, знаешь, тоже не стадо.

– Да уж... (Опасливо.) Никита, это всё было серьёзно? То, что ты сейчас нам представил?

– Более чем. Я уйду. Решено.

Похоже, с директором киностудии тоже вот-вот случится нервный срыв:

– Господи! Боже мой! Я знал, что этим дело кончится! Сколько раз я им твердил – нельзя таких крупных личностей использовать втёмную! Мозоль на языке натёр! Не слушают... секретность развели, боятся младенца вместе с правдой выплеснуть... как бы не утопили они этого младенца...

– Ты о чём?

– Послушай, – говорит директор с жаром. – Проект скоро перестанет быть чем-то экстраординарным, превратится в рутину. Придут молодые режиссёры, ты вернёшься в большое кино. Потерпи ещё год, продержись...

Режиссёр медленно отряхивает руки, разглядывая собеседника.

– А вот теперь, братец, ты расскажешь мне всё, – говорит он, ни секунды не сомневаясь. – Рассказывай, Филипп Тимофеевич. Давай.

Он совершенно спокоен. Торжествующе усмехается. Всех провёл да ещё удовольствие получил. Его друга и коллегу, наоборот, бьёт дрожь.

– Припёр ты меня... Поднимемся на эту штуку, чтобы не светиться, а то я здесь чувствую себя – словно на сцене.

На балкончике

Высоко над площадкой, в спасительной полутьме, усевшись на пол из стальных прутьев, шепчутся двое. Лица их не видны, голоса не узнать. Собственно, говорит один, второй лишь внимательно слушает...

...Запущена серия экспериментов, которая позволила нашим физикам заглянуть в будущее. Технические подробности лучше узнать у спецов, да и не имеют они отношения к сути. Главное, что это не шутка. Это очень серьёзно...

...Нет-нет, никакой экспедиции не было, учёные какбы посмотрели, послушали, записали разрозненную информацию. И выяснилось, что впереди нас ждёт кошмар. Советский Союз развалился. К власти пришли воры и предатели. На окраинах бывшего Союза – резня. Советские рабочие массово превращаются в доходяг-бомжей, советские крестьянки стали проститутками на трассах, дети-сироты из спившихся семей нюхают клей на вокзалах. Всюду – поросшие бурьяном поля... Волосы дыбом встают, когда читаешь или смотришь экстраполяты! Кулаки сжимаются, хочется за автомат схватиться...

...Аналитики работали полгода. И вывод их оказался настолько парадоксален, что не знаешь, смеяться или плакать. Стержневая причина развала – вовсе не гонка вооружений, не деятельность агентов влияния, и даже не разница между уровнем жизни в развитых капстранах и СССР. Тем более, причина не в джинсах, не в рок-н-ролле, не в какой-то там свободе слова. Просто на Западе информация сексуального характера нынче доступна и обыденна – в любых видах и формах, включая маргинальные. Тогда как у нас даже нагота под запретом. До середины шестидесятых, пока секс на экране и у них был вне закона, стратегический баланс сил соблюдался. В отечестве нашем не было никакого брожения в умах. А потом мы пропустили удар, не придав ему должного значения. Решили, что распространение в странах противника специфических видов искусства – элемент загнивания. В результате, сегодняшний паритет – иллюзия. Система качается...

...Нынче на Западе любой сексуально озабоченный козёл может запросто сходить в кино или купить журнал. А у нас? Неудовлетворённость принимает катастрофические масштабы, пропитав общество по вертикали и горизонтали – от подростков к зрелым людям, от рабочих и служащих к управленцам и интеллектуалам. Дело ведь не в сексуально озабоченных козлах, которых не так уж много, а в чём-то фундаментальном, чего мы пока не понимаем, и что в скором будущем нас раздавит...

Кстати, на социалистической Кубе проблем со стриптизом и проституцией нет никаких. Экстраполяты показывают, что там социализм сохранится, несмотря на американскую блокаду. Может, потому и сохранится...

...Вопрос. Когда мы начали фатально проигрывать идеологическую войну? Когда образцы западной секс-индустрии просочились в квартиры наших обывателей, а сведения о доступности таких вещей – там, у них, – в сердца и души. С человеческой природой не поспоришь, её не переделаешь. А ты говоришь, порнуха... Открыть шлюзы – было труднейшим политическим решением, Никита. Пришло время новой революции. Во имя предотвращения ужасного будущего. И вот наши лучшие режиссёры снимают советскую порнографию, наполняя её должным идейным содержанием, а я всё думаю – не опоздали ли мы... Ну, что ты решил?

– Что тут решать? На войне, как на войне. Партии нужен мой талант? Значит, я в строю...

Съёмочная площадка

Все ушли, хозяин павильона – в одиночестве.

РЕЖИССЁР: *(с омерзением)*. Как хорошая бэ легко становится государственным деятелем, так и хороший государственный деятель непременно должен быть этой самой... Эдик, философ-недоумок... *(О чём-то размышляет, закуривая.)* Ладно, вернёмся к нашим овцам. И чего я мучаюсь? Эта чёртова сценка не может не нравиться нормальным работягам. Зачем, спрашивается, переснимать? Незачем, прав был Серж... И всё-таки... Ну, не хватает в ней чего-то, задницей чую!

Некоторое время тупо смотрит на декорацию, повторяя: «Не хватает... Не хватает...» Затем он пинает ногой тележку.

РЕЖИССЁР: Тьфу, нормальненько снято! *(Продолжает смотреть на декорацию.)* Нет... Не то, не так, не тем местом... *(Прохаживается по павильону, напряжённо размышляя вслух.)* Ну, чего до сих пор не хватало зрителю в наших фильмах, мне только что объяснили. А вот чего не хватает лично мне? Убогий эпизод, лишённый семантической нагрузки... Прост, как пиво. Текст вторичен, картинка первична... Картинка... *(Вдруг хлопает себя по лбу.)* Болван! Повесить над кроватью репродукцию Шишкина! *(Радуется, как Архимед, разве что ванной не хватает.)* Лес, берёзки... Нет, лучше сосенки. «Утро в сосновом лесу». Медведи, солнце, неудержимая силища резвится на воле... Да, Шишкин. Воздействие – иррационально. Глубинная, щемящая душу любовь к Родине – в сочетании с любовью плотской... Гениально! Всё, сценка заиграет. Как брильянтик – революционными искорками...

Убегает, бросив окурочек на пол.

...На сцене гаснет свет. Казалось бы, спектакль окончен, но к рампе выходит человек в синей форме сотрудника прокуратуры. Пристально вглядывается в зрительный зал.

За сценой слышен топот и странные вопли: «А ну стоять!», «За что?!», «Лицом к стене!», «Я здесь случайно!». Лопаются несколько далёких выстрелов.

– Граждане! Эксперимент признан преступным. Распространение, хранение и употребление подобной мерзости сурово карается нашим законом. Люди, которых вы только что видели, арестованы. Они понесут заслуженное наказание, невзирая на лица, должности и звания. Группа физиков, сфальсифицировавших экстраполяты, избличена полностью, провокаторы уже дают признательные показания. Товарищи Суслов, Андропов, другие товарищи раскаялись в своих ошибках и получили партийные взыскания.

Следует знаменитая мхатовская пауза. Молчание мучительно затягивается. Очень хочется, чтобы прокурор ушёл. Он не уходит... не уходит... не уходит...

– Граждане! Здание оцеплено. Прошу всех кураторов организовать выход представителей трудовых коллективов в фойе, где построиться группами согласно спискам. Роспуск по домам – после санации памяти. Гипнологическая лаборатория развёрнута в буфете. Остальным ждать на местах, к вам подойдут.

Занавес

Знаменитая чайка на коричнево-полосатом бархате всё летит куда-то. Напротив неё, на расстоянии полёта стрелы, между верхним ярусом и потолком, – неприметное окошко, закамуфлированное шторками под цвет стен.

Ещё с минуту назад оттуда свисал кончик серого стуртужного галстука. Спohватившись, его втянули обратно в дыру.

Поистине вся жизнь – театр. В крайнем случае – кино или цирк.

Впрочем, шифрограммы, полученные нынче же в Вашингтоне, Лондоне, Брюсселе и Бонне, были восприняты со всей серьёзностью и с полным удовлетворением.

1984, 2009

Наталья Федина Письма из будущего

Субботним осенним утром Стивен Хагген отправился на прогулку.

Обычно он ходил в парк – играть в шахматы, кормить уток вчерашним хлебом, но день выдался хмурым, и мужчина решил ограничиться променадом по району.

На воротах у Маргинсов Хагген увидел картонку с надписью «Garage Sale» и решил зайти. Народу во дворе собралось не очень много, но торговля шла бойко. Чего только не лежало в картонных коробках: и игрушки, и посуда, и, кажется, даже свадебное платье миссис Маргинс!.. Решительность, с которой соседи избавлялись от своего прошлого, вызывала у Стивена уважение.

Господин в светлом плаще крутил в руках металлическую коробочку средних размеров. На лице его отражалась сложная гамма чувств. Стивена заинтересовала не столько коробка, сколько подвижное лицо мужчины. Что именно он теребил, Хаггену понять не удавалось, а подойти ближе и выказать любопытство казалось неудобным. В конце концов господин покачал головой – нет, не годится – и поставил предмет обратно.

Стивен поспешил посмотреть, что же так заинтересовало обладателя светлого плаща. И почему он это не купил? Возможно, не хватило денег?

...Это был тостер, самый обыкновенный, на два куса хлеба. На хромированном боку красовался желтый стикер с надписью «99». Хагген удивился: почти сто долларов за неную вещь? Вон, на боку царапина; кто же такое купит?

Мужчина хотел уже поставить устройство для поджарки хлеба на место, когда понял, что речь идет не о долларах, а центах. Тостер за девяносто девять центов! Нет, Стивену он совсем не был нужен, в его семье никто не любил гренки.

Но удержаться от покупки было невозможно.

* * *

– Зачем ты притащил эту рухлядь? – раздраженно спросила Мери Энн. – По-моему, ее выпустили, когда ты был ребенком. Не мечтай, что я прикоснусь к этой дряни!

Стивен женился полгода назад. Его жена была молода и прекрасна.

Возможно, она вышла из возраста, в котором прохожие, желающие узнать время или дорогу, называют тебя «мисс», а не «миссис». Возможно, ее шея была слишком длинной и делала свою обладательницу похожей не на лебедя, а на жирафа, – но всё равно Мери Энн была молода и красива. Мистеру Хаггену никогда не везло с феминками, и он не был уверен, что вообще заслужил такое счастье. Вблизи Мери Энн была гипнотична, и Стивен тонул в ее больших, серых, чуть навывкате, глазах.

– У Маргинсов была гаражная распродажа... Душа моя, я не собирался вешать на тебя новую обувь. Я сам стану жарить нам хлеб к завтраку.

– Ха-ха-ха! – сказала Мери Энн и вышла из кухни. Тон и голос ее были полны сарказма.

В чем-то она была права. Хагген никогда раньше не имел дела с кухонной техникой, но нужно было доказать жене – да и себе тоже, – что покупка была совершена не зря.

Хлебцы подгорели, но – Стивен попробовал – их вполне можно было есть.

«Молодец! – похвалил себя новоиспеченный кулинар. – Для первого раза я справился отлично». Разобраться в устройстве тостера не составило никакого труда. Кнопка «пуск», кнопка «стоп», регулятор степени поджаривания... и еще какой-то рычажок.

Интересно, это что – охлаждение? подогрев?..

Стивен осторожно нажал на него.

Пару секунд ничего не происходило, а потом из щели тостера с легким жужжанием выполз бумажный прямоугольник.

Хагген взял его в руки. Листок был теплым, на нем красовалась улыбающаяся рожица и надпись: «День сегодня чудесный, не правда ли, Стив? Непусти случая погреться на солнышке, в эту пору теплые дни так редки.

PS: Ты уже купил тостер?»

– Вот как! – удивился Стивен. – Может быть, зря я избегал домашней техники. Среди нее встречаются весьма любопытные вещицы.

С листком в руках мужчина вышел в гостиную.

Мери Энн беседовала со своей подругой Аделиной, женщиной довольно хрупкого телосложения, но обладающей при том удивительно пышным задом.

Стивен поцеловал жену, та клюнула его в щечку в ответ. Супруга никогда не упускала случая продемонстрировать приятельнице, что этот усатый крепыш принадлежит ей и только ей. Год назад Хагген полагал, будто ухаживает за Аделиной, но Мери Энн оказалась проворней. Он и опомниться не успел, как признался ей в любви и подарил кольцо с бриллиантом. Аделина плакала три дня, но смирилась с потерей.

– А что, душа моя, – поинтересовался Стивен, – нынче письмо можно отправить через тостер?

Аделина фыркнула. Она была смешлива, что всегда нравилось Стиву.

Всегда, но не теперь.

– Ты сошел с ума, – отчеканила Мери Энн.

Ей было неудобно перед Аделиной. Этот усач только ее усач, но лучше бы он молчал! И не входил в комнату, пока не позовут.

– Значит, это была просто реклама, спам?.. – начал уточнять Хагген.

В самом деле, разве можно было принять этот вздор за настоящее письмо? «Чудесный день». На улице хмуро, ветер пробирает до костей, а синоптики обещают ливень.

Дело ясное, рекламная листовка от производителей тостеров!

Мери Энн не дала мужу договорить и рывкнула:

– Нет! Ты несешь какую-то чушь!

Хагген ретировался, комкая в руках давно остывший листок.

Сквозь закрытую дверь было слышно, как в комнате горько хохочет Аделина.

Так у Стивена появилась тайна.

Он отнес тостер в кабинет и больше никогда не заговаривал о нем с женой.

Этот день Стивену хотелось провести в тишине, темноте и одиночестве.

Прежде чем задернуть шторы, Хагген выглянул в окно. Тучи разошлись, яркое солнце слепило глаза. Но это ничего не значило.

* * *

На следующий день пришло еще одно письмо.

Оно не было похоже на предыдущее, безобидное и необязательное. Чего стоило одно только начало: «Здравствуй, Стивен, здравствуй, родной!»

Хагген прекратил читать и оглянулся, хотя был в кабинете один.

Если предыдущее письмо могло быть от кого угодно, то это было явно... личное.

Стивен сглотнул и продолжил чтение.

«... Как здорово, как прекрасно, что теперь можно писать из будущего! Я опускаю письмо, к примеру, в тостер, а ты получаешь его в прошлом. Разве это не здорово?»

Я так рада, что теперь ты получаешь мои письма, и хочу сделать тебе подарок. Вручить его я не могу, придется тебе это сделать самому! Сегодня в магазине Tomm&Smitt можно приобрести отличные часы RNG за полцены. В будущем ты купишь их за полную стоимость, но я решила помочь тебе сэкономить деньги. Правда, я у тебя молодец? Целую».

Целую?

Письмо из будущего?

Мужчина присел в кресло, прочитанное его взволновало. Причем он даже не мог сказать точно, что вызвало в нем больше эмоций – первый пункт или второй.

Чтобы отвлечься, Стивен решил пройтись. Его всегда успокаивала ходьба! Вообще-то, сначала он пошел совсем в другую сторону, на юг, но ноги сами привели его к Tomm&Smitt, расположенному на северной окраине города.

– Как вы удачно зашли! – поприветствовал Хаггена бородатый продавец. – Сегодня у нас распродажа часов и портмоне. Посмотрите ассортимент?..

Стивен неуверенно перебирал предметы и вдруг увидел часы, которые ему сразу понравились. Он примерил их, кожаный ремешок приятно лег на руку – словно всегда там был. Хагген почувствовал, что хочет купить эти часы.

Только расплатившись, Стивен позволил себе прочесть название фирмы.

RNG.

Целую, родной. Из будущего. Целую.

О, боги. Так не бывает.

* * *

Стивен считал себя человеком практического склада ума.

Он сел в кресло, закурил и принялся размышлять.

В будущем люди научились отправлять письма в прошлое. Через, хм, тостер. Но почему бы и нет? Может быть, через двадцать лет холодильники начнут летать, а стиральные машины выпекать хлеб. Нет ничего невозможного.

Откуда отправительница письма («Целую»! «Целую»!) знала, что тостер будет у него, у Стивена? Возможно, он сам ей об этом сообщит – завтра или через полвека.

Но кто она, кто же написал ему, Стивену Хаггену, это письмо?

Мери Энн? Это самое логичное объяснение. Кто же еще может называть его «родной», как не жена? Стивен попытался вспомнить ее почерк и понял, что ему никогда не доводилось видеть, как она пишет, – закорючка на брачном контракте не в счет. Эпистолами супруга не увлекалась, а подписи на счетах доверяла ставить Стивену.

Но если сейчас ее можно заставить взяться за перо лишь под угрозой расправы, то вряд ли она полюбит писать письма в будущем.

Но кто тогда, если не она? Аделина? Пожилая соседка мисс Гамп?

Кто?..

Письма продолжали приходить.

Они были нежны, милы, все как одно содержали намек на нечто, что случится в будущем, – и это «нечто» всегда сбывалось. Пользуясь рекомендациями незнакомки, Стивен дважды выиграл в лотерею, выгодно купил акции и очень удачно купил дом буквально за гроши, перехватив его прямо под носом у какого-то неудачника, всего на полчаса замешкавшегося с платежом.

Однажды мистер Хагген получил фотографию. Девушка на снимке, его ангел-хранитель, его мечта, была прелестна как весна. Босая, в простом белом платье она стояла на лугу, рядом

в траве лежал велосипед. Солнце просвечивало сквозь золотой пушок на ее шее. «Наверняка ее никогда не мучают мигрени», – подумал Стивен, вспомнив Мери Энн, уже месяц отказывающую ему в супружеском долге.

Тон писем был нежен и игрив. Хагген часто представлял, как они гуляют со златокудрой нимфой по цветущему лугу, как она щекочет его поцелуем, и чувствовал себя счастливым. Он надеялся, что к моменту встречи будет не слишком стар. Если возможно такое, что через тостер приходят письма, то любые чудеса реальны. Может, в будущем побеждены и старость, и болезни?

Прелестница никогда не подписывалась, и он не мог найти ее в телефонной книге.

Но то, что где-то когда-то она живет на этом свете, давало Стивену силы жить здесь и сейчас. Дотянуть до точки встречи.

Хагген не раз пытался отправить ответное письмо, но раз за разом терпел неудачу.

Как-то раз Мери Энн застучала его запикивающим письмом в тостер и чуть не плачущим от досады.

– Стивен, ты сошел с ума? – резковато для любящей супруги спросила Мери.

Да, он сошел с ума.

Решительно и бесповоротно. А кто бы не сошел?

* * *

Это письмо было непохоже на предыдущие. Суховатое, торопливое, без «люблю» и «целую».

«Ты должен продать акции, дома, убить свою жену и уехать. Выброси тостер. Не медли, это опасно. У тебя не больше трех дней».

Стивен перечитывал его снова и снова. Он не мог поверить, что однажды его попросят о таком... таком...

Он измучился. Хагген не понимал, что происходит, ему не с кем было посоветоваться, он плохо спал и много пил.

Зайдя мыслями в тупик, он завернул тостер в холст и побежал к Маргинсам.

Дверь открыла миссис Маргинс – Эмма.

– Добрый день, я купил у вас тостер на гаражной распродаже, – торопливо начал Стивен.

– Хотите его вернуть?

– Да.

– Не уверена, что получится, милый. Если вещь нашла вас, она предназначена вам, – миссис Маргинс смотрела так ласково, словно читала мысли Стивена, словно всё про него знала. Или так и было?

– Я понимаю... – залепетал мужчина. – Он изменил мою жизнь... Но это слишком, я не готов... Она хочет невозможного... Вы понимаете, что это необычный тостер. Пожалуйста, освободите меня от него!

Глаза миссис Маргинс перестали быть ласковыми.

– Мистер, мы просто избавлялись от барахла, – раздраженно сказала Эмма. Ее взглядом можно было заколачивать гвозди. – Назад не принимаем. Отнесите эту старую железку на помойку и не морочьте мне голову.

Она показала на табличку, оставшуюся на столбе со дня распродажи: «Плата наличными и немедленный вывоз всех приобретенных вещей. Возврат и обмен не предполагаются».

Стивен сидел перед телевизором.

На экране полыхало пламя – взрыв бензоколонки... Три трупа, пять сгоревших машин.

В его руках было последнее из полученных писем: «Родной, ты еще не сделал этого? Наше будущее под угрозой. Умоляю! Разве я обманывала тебя хоть раз? Сегодня взорвется бензоколонка, погибнут трое. Если это не докажет, что я не лгу, то не знаю, что тебя убедит. Пожалуйста, сделай, как я прошу. Ради нашего счастья».

Письма действительно приходили из будущего, отрицать это было невозможно. Незнакомка ни разу не подводила Стива.

В комнату вошла Мери Энн. Какая маленькая у нее голова – как у змеи, неожиданно неприязненно подумал Хагген.

– Ноги на столе! Не стоило мне связываться с таким неудачником! – зашипела супруга. Мери Энн никогда не любила Стивена. Да и он лишь пытался убедить себя в чувствах к ней.

Стивен посмотрел еще разок на карточку златокудрой богини и решился.

Вечером он добавил крысиный яд в жаркое.

Когда Мери Энн корчилась на полу и хрипела: «Помоги», ее мужу потребовались все силы, чтобы не сдаться и не вызвать врача. «Это ради нашего будущего», – уговаривал себя он.

Дома и акции он продал еще раньше, переведя все деньги на счет, который указала нимфа.

* * *

Утром Стивен присел на террасе выпить кофе перед дорогой и раскрыл газету.

– Би-и-и-ип! – К дому подъехал грузовик, собирающий мусор.

Стивен вспомнил, что незнакомая пока возлюбленная просила его избавиться от тостера. Как он мог об этом забыть!.. Он нашел его в ворохе свертков, подготовленных к укладке в чемодан, размахнулся, бросил в кузов и начал чтение.

Новый владелец дома въедет лишь через неделю. Тело Мери Энн, завернутое в ковер, начнет к тому времени вонять. Стивен усмехнулся: будете знать, как наживаться на чужих проблемах и покупать дома за копейки.

Сам он к тому времени будет далеко.

О, как неприятно: на первой странице газеты было фото окровавленного трупа. Ну и времена, как такое можно публиковать!.. Хагген сложил газету так, чтобы не видеть отвратительных фотографий, и взялся за текст. Гадкая история, не лучше снимков. Бизнесмена убила жена, расстреляла как мишень в тире, а в полиции заявила, что электрический стул ей не грозит: она беременна. И совсем не от мужа!

Хагген не смог удержаться от того, чтобы посмотреть на неудачника, и развернул газету. С фотографии на него смотрел мужчина, лицо которого показалось Стивену знакомым. Да это тот, с распродажи, в белом плаще! «Стивен Джеймс Эмес, погибший», – гласила подпись под фотографией.

Хагген поискал рукой внушительный сверток с пропуском в прекрасное будущее – документами, билетами, деньгами – и вдруг сообразил, что легкомысленно бросил его в кузов мусоровоза вместо тостера. Шофер как раз газанул, и грузовик тронулся с места.

Стивен с криками бросился вслед, но водитель его словно не видел.

Когда силы закончились, Хагген повернул назад.

Наверняка что-то можно сделать. Найти свалку, на которую вывозят мусор с этой улицы...

Стивен плюхнулся на кресло, потянулся за остывшим кофе и тут увидел, что двое полицейских направляются к его – уже не его! – дому. У них нет никаких оснований зайти внутрь, а Стивен их не пустит... Зачем они вообще пришли? Неужели... неужели их вызвали соседи,

разбуженные криками Мери Энн?.. Нет, нет, тогда бы наряд прибыл ночью. Стивен не позволит этим мужланам в форме войти в дом, он заговорит им зубы, он...

Раздался знакомый писк, и из тостера вылез листок бумаги небесно-голубого оттенка.

Последнее послание. Последний привет от далекой любимой.

Стивен жадно схватил его и прочел: «БОЛВАН! С ЧЕГО ТЫ РЕШИЛ, ЧТО ПИСЬМА ПРЕДНАЗНАЧАЛИСЬ ТЕБЕ?»

Владимир Рогач Свет, звук и время

– Снимай еще слой!

– Готово!

– Мало... Надо еще часов восемь – чтобы подергать публику за живое...

Питер – оператор, приглашенный лично продюсером и руководителем проекта, захохотал. Раздраженный взгляд всё того же продюсера и руководителя вызвал у него лишь новый приступ безудержного веселья.

– Ну, ты скажешь, Майк! «За живое»... Кто сейчас помнит этого очкарика? Я, например, вечно путаю их друг с другом...

Теперь на весельчака тарасилась вся группа. Поняв, что ляпнул нечто за пределами глупое, тот смущенно умолк.

– Так-то лучше, – кивнул продюсер, которого все панибратски звали просто Майком. – Продолжаем работу...

– Но ведь, правда же, у них похожие очки... И жены – японки... – Оператор подавился очередной фразой и бесцельно приник к выключенной телекамере, бормоча себе под нос нечто вовсе уж нечленораздельное.

«Зачем я держу этого тупицу? – задумался на миг Микаэл Дэвид Дж. Кохэн IV. – Хотя парень потрясающе умеет поймать кадр... Хроникам до его таланта далеко. Но ведь тупица же!»

– Еще слой, Майк? – прервал его размышления вопрос старшего хроника.

На мониторах возник известный очень многим людям кадр. Носатый парень в дурацких очках чуть наклонился, давая автограф другому очкарику... Тот, второй, тоже в кадре – человек с фотоаппаратом, которого зовут Пол Гореш, потом проходил свидетелем на процессе, закончившемся обвинительным приговором и пожизненным заключением для одного из очкариков. Другого в судебном заседании представляли Соединенные Штаты Америки и Бог, так как сам он прийти уже не мог...

– Давай сделаем вечер накануне. Пусть у зрителей будут сутки на переживания... И обязательно – момент зарядки револьвера.

– Понял, – спокойно кивнул хроник и начал отдавать распоряжения своей команде. Такого не заставишь сутки волноваться у экрана телевизора. И в sms-голосование такого хрен затянешь. Даже если сутки эфирного времени равномерно распределить на два месяца.

– Саймон, – решил все-таки спросить у старшего хроника Микаэл Дэвид Дж. Кохэн IV. – А ты, вообще, слушал его песни? – Кивок на мониторы, на которых сейчас мелькали стоп-кадры отматываемых слоев времени. Вот, кстати, и момент зарядки револьвера...

– Меня зовут Семен, шеф, – усмехнулся парень, получивший в родной России кучу ученых званий и спешно смотавший удочки, предварительно продав тамошним журналистам некоторые результаты своих «свежих научных изысканий».

– Ну, я тоже не просто Майк, – согласился, мысленно извиняясь перед собеседником, человек, чье реальное состояние за малым не догоняло гейтсово со всем его Мегасофтом.

На очередном стоп-кадре полноватый очкарик как раз рассовывал по карманам револьвер и «Над пропастью во ржи» Сэлинджера.

– Вы их так еще и читать заставите, – засмеялся русский, кивая на обложку книги. – А почему не Библия?

– Читайте больше, Семен, – отмахнулся Микаэл Дэвид Дж. Кохэн IV, поняв уже, что на вопрос о своих музыкальных пристрастиях русский отвечать не намерен. – Всё сразу станет понятно... Пит! Проснись! Оцени ракурс.

– Пусть чуть приподнимут. Надо, чтобы зрители ощутили себя если не богами, то хотя бы судьями по отношению к этому парню... Ну, знаете, взгляд сверху вниз... – смущенно пояснил Питер, наткнувшись на взгляд Майка.

Один из хроников, следуя поочередно подсказкам Питера и Семена, что-то подкрутил, – и Микаэл Дэвид Дж. Кохэн IV неожиданно ощутил себя... Ну, если не богом, то уж точно судьей этому парню с револьвером и томиком Сэлинджера.

– Клянусь говорить правду, только правду и ничего кроме правды... – восхищенно пробормотал Семен, после чего подошел к польщенному Питеру и пожал тому руку. – Блеск!

Микаэл Дэвид Дж. Кохэн IV в очередной раз убедился, что не зря приглашает каждый раз именно Пита. С ракурсами у парня всё о'кей. Есть у него свой, что называется, угол зрения. Только очень уж тупой угол.

– На сегодня всё! Сценаристы ко мне! И аналитики! Саймон...

– Семен, – привычно поправил русский.

– Не желаешь поучаствовать?

Старший хроник состроил кислую мину.

– Ладно, до завтра. Только помни, что первый выпуск программы намечен на девятое октября.

Семен кивнул. Он не забудет.

Осталось-то меньше недели.

* * *

Майк не особенно досадовал на уход хроников во главе с их взбалмошным русским. В принципе, сценарий ток-шоу давно уже готов. Оставалось просмотреть полученные стоп-кадры и разложить всё по полочкам, спланировать и расписать кое-какие мелочи... В течение ближайшей пары месяцев никто не должен оторваться от экрана в 8 PM. Это шоу их не отпустит.

А еще – они должны звонить, слать sms, с боем прорываться в студию... Они должны не просто сопереживать героям. Они должны бороться.

«Быть может, именно твой звонок изменит историю!»

– Пора бы сменить слоган, Майк, – заметил глава аналитического отдела. – Это «быть может» отпугивает обывателя неопределенностью.

– Хорошо, уберем «быть может», – согласился Микаэл Дэвид Дж. Кохэн IV.

– Именно! – поддакнул Питер, на правах старого приятеля не спешивший убраться.

– Что – именно?

– «Именно» тоже надо убрать, – пожал плечами оператор. – Оно однозначно говорит обывателю, что его звонок – не единственный, а значит, «быть может», ничего и не изменит.

Микаэл Дэвид Дж. Кохэн IV с упреком посмотрел на смущенного аналитика. Тот же просто поднялся и пожал, как недавно русский хроник, руку Питеру.

* * *

Русского Майк нашел два года назад – тот с помощником из местных голодранцев устраивал представление прямо на улице, предлагая любому желающему показать, чем тот занимался месяц назад. Судя по реакции немалой толпы, было довольно весело, поэтому мультимиллионер Микаэл Дэвид Дж. Кохэн IV и приказал водителю остановиться поближе к сборищу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.